

9(4)5
E-24
451124.

ЕВРОПА И ВОЙНА

РОССІЯ
И ЕЯ СОЮЗНИКИ
ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

ИЗДАНИЕ
Д.Я.МАКОВСКАГО
МОСКВА

9 (4) "1924 : 1928"

ЕВРОПА и ВОЙНА.

РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ
ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ.

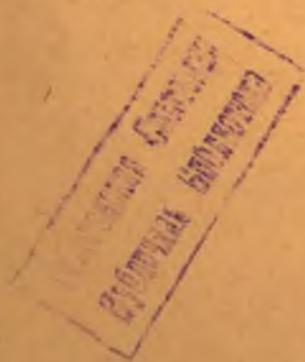
ИЗДАНИЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
МОСКВА—МСМХVII.

42/1157

6 + 910/176

УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ :

И. Н. БОРОЗДИНЪ, В. Я. БРЮСОВЪ, проф. В. А. БУТЕНКО, почетный акад. проф. А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ, акад. проф. Оксфордскаго Унив. П. Г. ВИНОГРАДОВЪ, проф. И. И. ГЛИВЕНКО, проф. Э. Д. ГРИММЪ, М. В. ДОБУЖИНСКІЙ, почетный акад. О. Ф. ЗЪЛИНСКІЙ, проф. Н. И. КАРЪЕВЪ, проф. Л. П. КАРСАВИНЪ, прив.-доц. Ю. В. КЛЮЧНИКОВЪ, академикъ проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ (†), академикъ проф. Н. П. КОНДАКОВЪ, профессоръ С. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ, Е. Е. ЛАНСЕРЕ, Я. Д. МАКОВСКІЙ, акад. С. В. НОАКОВСКІЙ, проф. бар. Б. Э. НОЛЬДЕ, проф. Н. П. ОТТОКАРЪ, проф. А. Л. ПОГОДИНЪ, проф. М. Н. РОЗАНОВЪ, акад. проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ, проф. А. Н. САВИНЪ, П. СУРМИНЪ, сенаторъ Н. С. ТАГАНЦЕВЪ, проф. Евг. В. ТАРЛЕ, проф. Б. А. ТУРАЕВЪ, академикъ О. И. УСПЕНСКІЙ, проф. Б. В. ФАРМАКОВСКІЙ, прив.-доц. М. С. ФЕЛЬДШТЕЙНЪ, прив.-доц. В. М. ФРИЧЕ, ВАЛЕРІЙ ЯЗВИЦКІЙ, проф. Н. В. ЯСТРЕБОВЪ, и др.

ТОМЪ II

ИМПЕРІАЛИЗМЪ
И
ДЕМОКРАТІЯ

Японскіе воины XIII вѣка.

Съ стариннаго японскаго рисунка.

ЯПОНІЯ и ДЕРЖАВЫ СОГЛАСІЯ.

Статья прив.-доц. Ю. В. КЛЮЧНИКОВА.

Мы испытываемъ нѣкоторую тревогу при мысли о томъ, что могли бы послѣдовать дурному примѣру китайцевъ, которые однихъ себя считали великими и достойными уваженія, на иностранцевъ смотрѣли немногимъ лучше, чѣмъ на звѣрей, а въ концѣ-концовъ стали страдать отъ этихъ самыхъ иностранцевъ и подчинились имъ. Поэтому мы пришли по зрѣломъ размысленіи къ выводу, что самая важная задача, которая стоитъ передъ нами въ данный моментъ, заключается въ томъ, чтобы понять требованія эпохи и начать великое дѣло національнаго преобразования... До сихъ поръ наша имперія держалась особнякомъ отъ другихъ странъ и не имѣла понятія о силахъ внѣшняго міра. Мы заботились только о томъ, чтобы причинить себѣ какъ можно меньше безпокойства и въ своемъ попятномъ движеніи рисковали быть завоеванными иностранцами.—Посѣщая иноземныя государства и изучая, что тамъ есть хорошаго, сравнивая ихъ непрестанное движеніе впередъ, ихъ разумное управленіе, ихъ прекрасную военную организацію и обеспеченность ихъ населенія съ нашимъ теперешнимъ состояніемъ, мы легко можемъ уяснить причины благоденствія и упадка (государствъ)... Необходимо оставить глупую привычку бранить иностранцевъ собаками, козлами и варварами,—измѣнить заимствованныя изъ Китая придворныя церемоніи,—допустить иностранныхъ представителей ко двору, какъ дѣлается у всѣхъ народовъ, и опубликовать это къ свѣдѣнію всей страны, чтобы простой народъ зналъ, какъ смотрѣть на этотъ вопросъ“...

Такъ писали своему императору члены обновленнаго японскаго правительства всего-навсего полвѣка тому назадъ. И дѣйствительно: полустолѣтіе назадъ Японія жила еще совершенно изолированной жизнью. Культурное воздѣйствіе на нее Запада было ничтожно. О какомъ бы то ни было вліяніи самой Японіи на судьбы общаго международнаго равновѣсія не приходилось говорить вовсе. Торговья сношенія съ Западомъ хотя и существовали у нея, но не отличались ни размѣрами, ни прочностью.—Если бы за все это нужно было обвинять кого-либо, то пришлось бы въ одинаковой мѣрѣ обвинять и японцевъ, и европейцевъ. Первые всячески противились сближенію съ цивилизованными странами; вторые, разъ завязавъ сношенія съ новой далекой страной, не сумѣли не только развить ихъ, но даже и поддержать на первоначальномъ уровнѣ.

Начало общенія европейцевъ съ японцами относится къ XVI вѣку.

Въ 1543 г. къ берегамъ японскаго острова Танегашима бурей занесло португальское торговое судно. Нежданные гости, португальцы были дружелюбно приняты правителемъ провинціи Бунго, посѣтили Кіу-сіу и, показавъ японцамъ, какъ курятъ табакъ и дѣлаютъ огнестрѣльное оружіе, благополучно отплыли къ себѣ на родину. Послѣ этого португальцы и испанцы стали вновь и вновь, уже безъ помощи бурь, появляться у японскихъ береговъ и постепенно завязали съ японцами прочныя торговыя сношенія. За португальцами двинулись въ Японію голландцы (въ началѣ 17-го вѣка); за голландцами англичане (1613 г.).—Не боятся далекихъ путешествій и сами японцы. Сохранились извѣстія объ ихъ поѣздкахъ въ Португалію, въ Римъ, въ Перу, въ Мексику (конецъ 16-го и начало 17-го вв.).

Почти тотчасъ же вслѣдъ за первыми европейскими купцами проникли въ Японію и пер-

Карта Японіи XVI вѣка.

вые христіанскіе миссіонеры. Группа іезуитовъ во главѣ съ Францискомъ Ксаверіемъ высадилась въ 1549 г. въ Кагосима, въ провинціи Сатсума, и съ первыхъ же своихъ проповѣдей пріобрѣла многочисленныхъ послѣдователей. Изъ Кагосимы Ксаверій направился на островъ Хирадо, оттуда въ городъ Хакато въ провинціи Шихуцень, оттуда въ Ямагусивъ провинціи Суо. Достигъ онъ и главнаго города страны, Кіото, въ надеждѣ обратить здѣсь въ христіанство шогуна¹⁾ съ императоромъ; однако, надежды его не оправдались.

Проживъ въ Японіи около двухъ лѣтъ, Францискъ Ксаверій покинулъ ее, оставивъ по себѣ славу замѣчательнаго проповѣдника, просвѣтителя и чудотворца. Сохранилось даже преданіе, что ему удалось однажды воскресить мертвую японскую дѣвушку. Позже, какъ извѣстно, за свою миссіонерскую дѣятельность среди народовъ Азіи онъ былъ канонизированъ католической церковью. По отъѣздѣ святителя дѣло его стали продолжать его друзья и преемники. И продолжали съ успѣхомъ. Число крестившихся быстро увеличивалось съ каждымъ

¹⁾ Шогунъ—военачальники и вмѣстѣ съ тѣмъ верховные правители страны, съ весьма давнихъ поръ наслѣдственные. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю полноту той власти, которая только была возможна при феодальномъ строѣ, шогунъ въ теченіе ряда вѣковъ ничего не оставляли на долю императоровъ, кромѣ голаго титула.

годомъ, къ концу вѣка достигнувъ 600.000 человекъ, если не милліона. Папа назначилъ въ Японію епископа, христіанство стали исповѣдывать многіе изъ дайміосовъ ¹⁾, начались періодическія паломничества японцевъ въ Римъ. Повидимому, намѣчались уже перспективы полнаго обращенія въ новую вѣру всей страны.

Однако, насколько успѣхъ христіанскихъ миссіонеровъ былъ блестящъ въ Странѣ Восходящаго Солнца, настолько же онъ оказался и непрочнымъ. Сыграли свою роль весьма упрощенные способы, съ помощью которыхъ нерѣдко творилось дѣло религіозной пропаганды:—подкупы, принудительное крещеніе феодалами своихъ подвластныхъ, всяческія насилія, сожженіе вновь обращенными дайміосами буддійскихъ храмовъ и монастырей (иногда десятками и даже сотнями).—Ободренные успѣхомъ, миссіонеры очень скоро захотѣли создать себѣ чисто политическое вліяніе въ странѣ и организовать со своей паствой въ опредѣленную политическую и военную силу, враждебную шогунату. Вполнѣ понятно, что шогуну не могли относиться къ этому обстоятельству равнодушно. — Наконецъ, дали себя знать: страхъ японцевъ передъ завоевательными аппетитами могущественной Испаніи, острое торговое соперничество между португальцами-испанцами и голландцами, фанатическое соревнованіе между представителями различныхъ католическихъ орденовъ, нахлынувшими въ Японію за іезуитами и всѣми способами старавшимися повредить другъ другу.

Начались преслѣдованія японцевъ-христіанъ и европейцевъ, какъ носителей христіанства. Появились приказы объ изгнаніи иностранныхъ миссіонеровъ, а также всѣхъ вообще португальцевъ и испанцевъ. Нѣсколько миссіонеровъ было схвачено и казнено въ Нагасаки. Когда это не помогло, рѣшено было посадить всѣхъ христіанскихъ священниковъ на джонки и вывезти вонъ за предѣлы страны. Вывезено было такимъ образомъ около 300 человекъ (1614 г.). Но не помогло и это. Борьба съ европейцами и европейской религіей, все болѣе и болѣе напряженная, продолжалась еще въ теченіе двухъ десятилѣтій.

Доведенные до полнаго отчаянія, японскіе христіане сдѣлали, наконецъ, безнадежную попытку силою оружія защитить себя и всѣ погибли (1637 г.). Испанцы и португальцы были окончательно выдворены изъ страны ²⁾, а вслѣдъ затѣмъ правительство издало указъ о томъ, что отнынѣ ни одинъ иностранецъ не въ правѣ поселиться въ Японіи и ни одинъ японецъ не въ правѣ выѣхать изъ нея, „пока солнце свѣтитъ надъ страной“. Впрочемъ, разрѣшено было оставаться китайцамъ и корейцамъ, какъ непричастнымъ къ христіанству,—и нѣсколькимъ десяткамъ голландцевъ, какъ людямъ религіозно достаточно индифферентнымъ, а политически вполнѣ безопаснымъ. Но и голландцы пострадали. Жить и торговать имъ было разрѣшено теперь лишь въ одномъ пунктѣ, въ Нагасакской бухтѣ, на крошечномъ островкѣ, обнесенномъ высокимъ заборомъ съ гвоздями и охраняющемся стражей. Въ неторговые дни изъ мѣстныхъ жителей никто не сталъ допускаться къ голландцамъ, изъ мѣстныхъ жительницъ—лишь наименѣе почтенный сортъ. Прѣсная вода потекла къ купцамъ-плѣнникамъ по бамбуковымъ трубкамъ; вмѣсто двухъ разъ въ годъ, голландскіе корабли получили возможность причаливать къ берегамъ Японіи лишь одинъ разъ.

Удивительно ли, что въ результатъ всѣхъ подобныхъ мѣръ возможность дальнѣйшаго вліянія западной культуры на культуру японскую сразу пресѣклась, а то вліяніе, которое

Францискъ Ксаверій.

¹⁾ Феодалы — правители.

²⁾ Англичане покинули Японію еще въ 1623 году.

успѣло уже сказаться, понемногу сгладилось, исчезло? Удержаться сумѣли лишь нѣсколько португальскихъ и испанскихъ словъ, вошедшихъ въ японскій лексиконъ ¹⁾, куреніе табаку, да употребленіе примитивнѣйшаго огнестрѣльнаго оружія; сохранилось также нѣчто европейское въ отдѣльныхъ мотивахъ архитектурныхъ построекъ, и нѣчто христіанское въ міросозерцаніи и обычаяхъ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей.

Однако, вынужденный перерывъ европейскаго воздѣйствія на японскую цивилизацію былъ вовсе не столь длительнымъ, какъ то часто думаютъ.

Сначала робко и съ большимъ трудомъ, оно опять стало проявляться уже въ первыя десятилѣтія 18-го вѣка. Шогунъ Іошимунъ, изъ династіи Токугава, вставшій у власти въ 1716 г., первый проявилъ интересъ и симпатію къ культурнымъ достижениямъ Запада и позаботился о ча-

*Первые европейцы (иезуиты?) въ Японіи.
(Японское изображеніе нач. XVII-го в.).*

стичной отмѣнѣ закона, запрещающаго ввозъ въ Японію голландскихъ книгъ. Въ 1725 г. въ Японіи впервые были изготовлены хирургическіе инструменты согласно европейскимъ образцамъ. Въ 1744 г. ученый Аоки Бунзо получаетъ отъ шогуна приказъ изучить голландскій языкъ, а на слѣдующій годъ японцамъ-толмачамъ изъ Нагасаки дается разрѣшеніе читать и изучать голландскія книги. Въ 1757 г. Сугита Гемпаку доказываетъ своимъ соотечественникамъ безспорное преимущество европейскихъ методовъ хирургіи и переводитъ (въ 1771 г.) съ голландскаго „Новый Анатомическій Трактатъ“. Благодаря Хираго Дженнаи японцы узнаютъ объ электричествѣ, а къ началу новаго вѣка къ ихъ услугамъ уже учебники и словари голландскаго языка, рассказы о Голландіи, иллюстрированное описаніе вселенной, „Трактатъ о военныхъ нуждахъ страны, окруженной моремъ“, рядъ оригинальныхъ и переводныхъ медицинскихъ книгъ. Одновременно у голландцевъ перенимается употребленіе масляныхъ красокъ въ живописи и техника гравированія на мѣди.

Въ 1801 г. правительство шогуна организовало официальное бюро для переводовъ западныхъ книгъ и документовъ. Еще черезъ семь лѣтъ оно приказало Нагасакскимъ толмачамъ, помимо голландскаго языка, изучать еще и русскій и англійскій. Оба послѣднія мѣро-

¹⁾ Saraça, savon, carta, copo, confetos, canequim.

пріятія представляють для насъ особенный интересъ: подсказанныя условіями времени, они отражаютъ уже не столько культурные запросы современной имъ Японіи, сколько ея чисто политическіе виды и опасенія. Дѣло въ слѣдующемъ:—Добравшись до Сахалина и Курильскихъ острововъ, русскіе съ конца 18-го вѣка стали настойчиво стучаться и въ запертыя двери владѣній микадо ¹⁾). Въ 1792 г. императрица Екатерина приказываетъ иркутскому губернатору отправить въ Японію „офицера малаго чина“ подѣ предлогомъ проводовъ на родину японскихъ моряковъ, давно уже занесенныхъ бурей въ русскіе предѣлы. Поѣхалъ поручикъ Лаксманъ. Никакихъ полномочій поручику, однако, не было дано. Явиться въ Японію онъ долженъ былъ отъ имени иркутскихъ властей, „а не отъ имени правительства вообще“. Словомъ—ему предстояло сыграть лишь роль перваго пробнаго шара въ исторіи будущихъ русско-японскихъ отношеній. Пробный шаръ могъ бы выйти и удачнымъ: Лаксмана достаточно дружелюбно

Казнь 52 христіанъ въ Нагасаки въ 1622 году.

встрѣтили на Іеддо, снабдили бесплатно нужнымъ количествомъ провіанта и пригласили поѣхать для переговоровъ въ Нагасаки. Но Лаксманъ въ Нагасаки не поѣхалъ, такъ какъ совершенно не зналъ, что ему тамъ дѣлать, а смерть помѣшала Екатеринѣ яснѣе опредѣлить свои дальне-восточные замыслы.

Между тѣмъ, въ Японіи уже обратили вниманіе на возможность русской опасности и стали говорить и писать о ней.—Наступитъ день, взывалъ Шихей Гайяси (Оно Ріушикеи), когда съ сѣвера начнетъ давить на Японію могущественный и страшный врагъ, Россія. Единственное спасеніе для Японіи заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше усилить свой флотъ и какъ можно лучше укрѣпить свои берега.

Знаменитый писатель эпохи, Токо Фуджита, посвятилъ вопросу о русской опасности нѣсколько специальныхъ томовъ.

Въ 1803 г. вмѣстѣ съ кругосвѣтной экспедиціей Крузенштерна отплыло изъ Кронштадта и русское дипломатическое посольство къ японскому правительству. Цѣлью посольства было завязать договорныя отношенія съ Японіей и столкнуться съ нею насчетъ Сахалина. Была ли тутъ вина главы посольства, камергера Рязанова, недостаточно подготовленнаго для выпол-

¹⁾ Собственно, титулъ *микадо*, хотя и японскаго происхожденія, но въ Японіи мало употребителенъ. Въ Японіи императора зовутъ Тенно-Хейка: Тенно — „императоръ“, Хейка — „Его Величество“.

ненія возложенной на него задачи, или же сдѣлали свое дѣло интриги голландцевъ и основныя традиціи „внѣшней“ японской политики, но только на этотъ разъ русскимъ рѣшительно ничего не удалось добиться въ Японіи. Чтобы поддержать русскій престижъ, Рязановъ, по возвращеніи въ предѣлы Россіи, приказалъ двумъ судамъ произвести нѣсколько демонстрацій на Сахалинѣ и въ Курильскомъ архипелагѣ. Лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ отправляются въ путь, останавливаютъ японскій морской караванъ и захватываютъ съ нихъ наиболѣе цѣнные товары, нападаютъ на нѣсколько прибрежныхъ японскихъ поселеній, объявляютъ Сахалинъ владѣніемъ Россіи и возвращаются обратно съ добычей и плѣнными. На эти акты японцы отвѣчаютъ черезъ нѣсколько лѣтъ захватомъ у острова Кунашира В. М. Головнина и его спутниковъ—Отсутствіе отношеній между Россіей и Японіей сразу смѣняется испорченными отношеніями.

*Хидейоши, одинъ изъ знаменитѣйшихъ шогуновъ.
(Японскій Наполеонъ).*

Почти одновременно съ первой русской попыткой завязать сношенія съ островной азіатской имперіей сдѣлали такую же попытку и американцы (1803 г.). И почти столь же неудачно. Не удался и рядъ позднѣйшихъ ихъ попытокъ въ томъ же направленіи—вплоть до экспедиціи 1849 г., когда капитану Глину было категорически заявлено, что помимо голландцевъ Японія не желаетъ торговать ни съ кѣмъ, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Но американцы упрямы. Въ 1853 г. эскадра изъ двухъ военныхъ и двухъ торговыхъ кораблей, подъ флагомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, появляется въ бухтѣ Іеддо и становится на якорь. Тщетно мѣстные власти пытаются объяснить непрошеннымъ гостямъ, что имъ слѣдуетъ перебраться въ Нагасаки, что въ Урагѣ не полагается быть иностранцамъ,—командиръ эскадры, капитанъ Перри, не обращаетъ на мѣстные власти ни малѣйшаго вниманія. Онъ привезъ съ собой письмо отъ президента Соединенныхъ Штатовъ къ мѣстному вер-

ховному владыкѣ и можетъ передать это письмо лишь высшимъ чиновникамъ государства. Въ виду обилія пушекъ на американскихъ корабляхъ, а также появленія въ японскихъ водахъ еще и русской эскадры адмирала Путятина, японцамъ пришлось уступить.—Въ подобающей обстановкѣ письмо было принято для передачи шогуну; въ годичный срокъ было обѣщано дать отвѣтъ на него. Къ назначенному времени Перри снова является въ Японію, на этотъ разъ уже съ десятью кораблями,—и, послѣ полуторамѣсячныхъ совѣщаній съ японскими уполномоченными—подписываетъ протоколъ японо-американскаго договора, торговаго и политическаго. Послѣ этого Японіи уже ничего не оставалось, какъ подписать аналогичные договоры и съ Англіей (осенью того же 1854 г.), и съ Россіей (1855 г.), и съ Голландіей (1856 г.), и съ Франціей, и со многими другими европейскими государствами. Въ силу всѣхъ этихъ договоровъ для иностранной торговли были открыты порты Іокогама, Кобэ, Осака, Нагасаки, Нигата, Хакодатэ,—установлены весьма низкія пошлины на предметы, ввозимые въ Японію,—обезпечено иностранцамъ право внѣземельности; въ частности, неподсудности мѣстнымъ судамъ.

Допущеніе въ страну чужестранцевъ было встрѣчено японскимъ народомъ чрезвычайно непріязненно и долгое время приводило къ разнаго рода демонстраціямъ и эксцессамъ, до убійствъ, и до обстрѣловъ иностранныхъ кораблей включительно. На почвѣ этого же допущенія чужестранцевъ окончательно опредѣлилось разложеніе системы японскаго феодализма и состоялся переходъ власти изъ рукъ шогуновъ въ руки императоровъ. Но прошлаго уже не воротить: императорамъ пришлось не только утвердить ненавистные имъ договоры съ державами западной культуры, но и вступить на путь самыхъ широкихъ культурныхъ заимствованій у Запада и самага тѣснаго экономическаго общенія съ нимъ.

Съ воцареніемъ въ 1868 г. недавно скончавшагося императора Мутсу-Хито въ Японіи начинается періодъ воистину великихъ реформъ. Со сказочной быстротой перенимается и усваивается все, что составляетъ основу современной американо-европейской культуры. Въ нѣсколько лѣтъ страна покрывается густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телефонныхъ проволокъ, телеграфныхъ кабелей.—Вводится всеобщее обязательное обученіе, открываются университеты.—Вслѣдъ за первой газетой (въ 1872 г.), появляются десятки и сотни другихъ (уже къ 1887 г. свыше 400).—Создается великолѣпный военный и коммерческій флотъ, реформируется въ первоклассную военную силу армія. — Развивается промышленность.—Пышно расцвѣтаетъ торговля внѣшняя и внутренняя. — Въ 1889 г. вводится конституція. Невольно хочется отмѣтить, что въ дѣлѣ реформъ правительство японское не только чутко прислушивается къ голосу народа, но, опираясь на его довѣріе, идетъ и впереди народа и служитъ ему, какъ рѣдкое среди правительствъ.

Старый императорскій дворецъ въ Кіото.

Въ процессѣ подобнаго возрожденія страны рано или поздно долженъ былъ встать на очередь и вопросъ объ отмѣнѣ т. наз. „консульской юрисдикціи“ для иностранцевъ или той неподсудности ихъ японскимъ судамъ, о которой упоминалось выше. Порядокъ консульской юрисдикціи былъ для японцевъ чрезвычайно неудобенъ. Такъ какъ у Японіи существовали договоры болѣе, чѣмъ съ пятнадцатью государствами, то ей приходилось имѣть дѣло сразу съ цѣлой массой консульскихъ судовъ, устроенныхъ самымъ различнымъ образомъ, съ апелляціонными и кассационными инстанціями, находящимися въ Европѣ и Америкѣ. Далеко не всегда консулами бывали юристы, большею частью они назначались изъ числа мѣстныхъ коммерсантовъ. Вотъ почему истецъ-японецъ съ грустью встрѣчалъ порою въ консулѣ не только судью, но и отвѣтчика. Этого мало: связанная съ консульской юрисдикціей „внѣземельность“ иностранцевъ дѣлала для нихъ необязательными распоряженія туземныхъ властей за невозможностью для послѣднихъ примѣнить къ нимъ тѣ или иныя принудительныя мѣры.

Рядъ попытокъ добиться у христіанскихъ государствъ отмѣны консульскаго суда не привелъ ни къ чему, не смотря даже на заманчивое обѣщаніе, дававшееся Японіей, открыть въ замѣнъ всю страну для доступа иностранцевъ. И только послѣ того, какъ японцамъ удалось осуществить грандіозную судебную реформу, державы согласились пересмотрѣть свои трактаты съ Японіей и отказаться отъ льготъ судебного характера, предоставлявшихся ранѣе ихъ подданнымъ. Новые трактаты вступили въ силу всѣ одновременно,—

а именно 4-го августа 1899 г. Съ этого дня Страна Восходящаго Солнца, первая изъ нехристианскихъ странъ, оказалась принятой въ международное общеніе на совершенно равныхъ правахъ съ державами всего остального культурнаго міра.

Параллельно съ быстрымъ ростомъ цивилизаціи и укрѣпленіемъ государственнаго строя совершался въ Японіи и процессъ могучаго внѣшняго расширенія. Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка Японія завладѣваетъ архипелагомъ Лю-Цу и выговариваетъ у Россіи, въ обмѣнъ на часть Сахалина, Курильскій архипелагъ. Черезъ двадцать лѣтъ, въ итогъ побѣдоносной войны противъ Китая (1894—95 гг.), Японія получаетъ въ свое владѣніе Формозу и Пескадорскіе острова и становится въ Китаѣ на положеніе „наиболѣе благопріятствуемой націи“. На основаніи Симонсекскаго мирнаго трактата, завершившаго эту войну, она должна была бы получить еще и Ляодунскій полуостровъ съ его великолѣпнымъ и чрезвычайно важнымъ портомъ Лю-кун-чу (Портъ-Артуръ), но тутъ вмѣшалась Россія. Для Россіи утвержденіе Японіи на азіатскомъ континентѣ отнюдь не было дѣломъ безразличнымъ и она не только воспрепят-

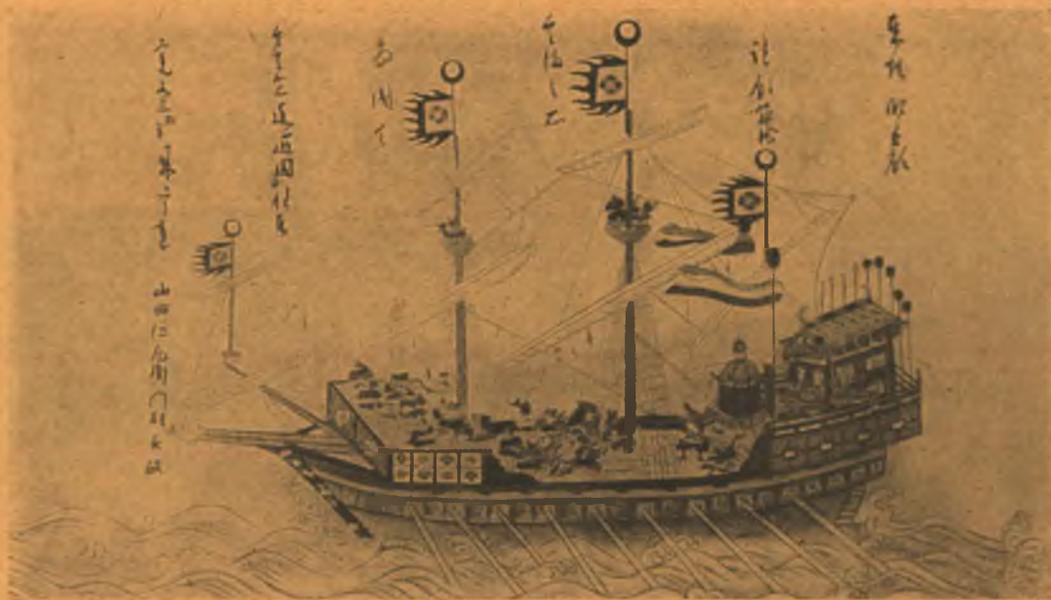

*Дворецъ шогуна въ Еддо.
(Съ японской картины).*

ствовала побѣдительницѣ Небесной Имперіи воспользоваться наиболѣе цѣннымъ плодомъ своей побѣды, но въ ближайшій же годъ заключила съ Китаемъ чрезвычайно важное соглашеніе касательно Манчжурской желѣзной дороги. Еще черезъ два года она сама утвердилась на Ляодунѣ и въ Портъ-Артурѣ, въ связи съ боксерскимъ движеніемъ 1900-го года заняла войсками Манчжурію, а въ 1903-мъ году устроила дальне-восточное намѣстничество. Все это были признаки, краснорѣчиво указывавшіе на то, что Россія совершенно не намѣрена считаться съ жизненными интересами своей островной сосѣдки и что послѣдней предстоитъ выбрать одно изъ двухъ: или покорно терпѣть и сжиматься подъ надменнымъ натискомъ обширнѣйшей изъ державъ или наперечъ всѣ свои силы и отважиться на открытую борьбу съ ней. Не колеблясь, Японія вступила на второй путь;—первый былъ бы равносильенъ для нея добровольному самоубійству.

Разсчитывать на одолѣніе великаго сѣвернаго колосса безъ поддержки сильнаго союзника и покровителя Японія, конечно, не могла. Но кого избрать въ союзники? Согласно условіямъ момента и общей взаимной группировкѣ державъ, выборъ этотъ могъ остановиться лишь на Англіи. Въ тѣ времена англійскіе интересы столь же рѣзко расходились съ русскими, какъ и японскіе; напротивъ, интересы англійскіе и японскіе (именно въ силу англо-русскаго антагонизма) сплошь и рядомъ совпадали. Вотъ почему и раньше уже Англія неоднократно выступала въ роли защитницы и покровительницы Страны Восходящаго Солнца. Такъ, въ

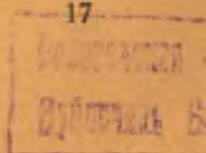
1861 г. она настояла на очищеніи русскими острова Цусимы, который они попытались было оккупировать. Въ заключительный періодъ борьбы между императорскою властью и шогуна-томъ Англія всемірно поддерживала новую власть, обѣщавшую усиленіе государства, тогда какъ „нѣкоторыя другія государства“ изъ любви къ охранительнымъ началамъ и по личнымъ мотивамъ поддерживали отжившій порядокъ. Въ 1874 году Англія помогла Японіи успѣшно разрѣшить конфликтъ съ Китаемъ, возникшій въ связи съ избіеніемъ японцевъ на островѣ Формозѣ. Въ 80-хъ годахъ когда Россія завладѣла было Портомъ Лазарева въ Корей, Англія отвѣтила временнымъ занятіемъ Порта Гамильтона, чѣмъ и принудила насъ отказаться отъ намѣченного предпріятія. Во время японо-китайской войны Англія соблюдала нейтралитетъ, неизмѣнно благожелательный по отношенію къ Японіи; если же не поддержала ее въ моментъ окончательнаго подведенія итоговъ этой войны, то по весьма уважительнымъ причинамъ. Наконецъ, Англія

Японскій военный корабль нач. XVII-го вѣка.

первая согласилась на отмену въ Японіи консульской юрисдикціи и своимъ примѣромъ по-дѣйствовала и на другія державы.

17/30 января 1902 года Англія и Японія вступили въ союзъ. Признавъ спеціальные инте-ресы другъ друга въ Китаѣ и Корей и согласившись не покушаться на независимость этихъ странъ, новыя союзницы обязались:—въ случаѣ, если во имя своихъ дальне-восточныхъ инте-ресовъ одной изъ нихъ придется вести войну съ какимъ-нибудь однимъ государствомъ, то другая должна сохранять строгій нейтралитетъ; если же противниками первой выступятъ два государства и болѣе, то союзница ея „окажетъ ей помощь, будетъ вести войну сообща съ нею и заключить миръ съ обоюднаго согласія“.—Заручившись подобнаго рода договоромъ, прямо направленнымъ противъ Россіи и парализующимъ для нея выгоды союза съ Фран-ціей, представители Японіи увѣренно и спокойно заговорили въ Петербургѣ о необходимости для петербургскаго и токійскаго кабинетовъ согласиться по поводу дальне-восточныхъ дѣлъ. Но увѣренъ въ себя и Петербургъ. Несмотря на настойчивыя просьбы г. Курино дѣйстви-вать какъ можно скорѣе, гр. Ламсдорфъ всѣми средствами затягивалъ переговоры и про-являлъ максимальную неуступчивость. Финаль подобной политики—русско-японская война 1904—5 гг. съ ея побѣдоносными для нашихъ враговъ этапами: Ялу, Ляоянь, Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусима.

Какъ ни тяжки были перенесенныя пораженія, русская армія не утратила способности сопротивляться, резервы же ея попрежнему оставались неисчерпаемыми. Напротивъ, длинный рядъ побѣдъ настолько истощилъ и человѣческой запасъ и финансы японцевъ, что продолжать войну имъ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе. При такихъ-то обстоятельствахъ былъ заключенъ 16/29 августа 1905 года памятный Портсмутскій миръ. Отнынѣ двери въ Корею заперлись для Россіи и настежь раскрылись для Японіи. Россія лишилась въ пользу Японіи Портъ-Артура и Таліенвана, южной части Сахалина и значительнаго куска манчжурской желѣзной дороги. Русскія войска принуждены были очистить Манчжурію...

По заключеніи мира Японія съ торжествомъ вступила въ среду великихъ державъ и сдѣлалась одной изъ наиболѣе внушительныхъ гирь, опредѣляющихъ международное равновѣсіе. Въ 1910 году она, съ согласія Россіи и другихъ державъ, принудила корейскаго императора сложить съ себя власть, а имперію его включила въ составъ своей территоріи.

Съ самаго начала войны 1914 года японцы выступили на сторонѣ державъ противогерманской коалиціи (какъ того требовалъ союзный договоръ ихъ съ англичанами, возобновленный въ 1905 и въ 1911 годахъ), осадили и взяли крѣпость Кіао-Чао, главный германскій оплотъ на Дальнемъ Востока, отобрали у германцевъ значительную часть ихъ колоній, помогли ан-

Одна изъ битвъ между войсками императора и шогуна, рѣшившихъ участь Японіи въ 1868 г.
(Съ японской картины).

гличанамъ очистить моря отъ германскихъ крейсеровъ. Когда у союзныхъ армій,—и у русской по преимуществу,—почувствовался недостатокъ въ снаряженіи, японскіе заводы стали работать на нихъ съ совершенно исключительной интенсивностью. Одновременно съ этимъ японцы не упускали изъ виду и своихъ интересовъ въ Китаѣ, Монголіи и Манчжуріи*). Въ серединѣ 1915 года они заключили съ Китаемъ соглашеніе, которымъ обезпечили себѣ въ немъ рядъ чрезвычайно важныхъ правъ и преимуществъ. Такимъ образомъ, Японія сдѣлалась полной распорядительницей нѣкоторыхъ изъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ; обезпечила себѣ воздѣйствіе на китайскіе военные заводы и арсеналы; выговорила для своихъ подданныхъ право аренды и покупки земли въ Южной Монголіи, которымъ раньше не могъ пользоваться никто изъ иностранцевъ; обязала Китай не уступать и не сдавать въ аренду частей побережья, портовъ или острововъ никому, кромѣ нея, Японіи; наконецъ, приобрѣла различныя весьма существенныя права въ Южной Манчжуріи, восточной части Внѣшней Монголіи, въ Шаньтунѣ, въ Фуцзянѣ.—Еще большее значеніе имѣеть, безспорно, договоръ о союзѣ, заключенный Японіей съ Россіей 20-го іюня прошлаго 1916 года. Согласно статьѣ первой новаго договора ни одна изъ сторонъ не въ правѣ принимать участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленномъ противъ другой стороны. Согласно статьѣ второй:—„въ случаѣ, если бы что-либо грозило территоріальнымъ правамъ или особымъ интересамъ на Дальнемъ Востока одной изъ сторонъ, признаннымъ другой стороной, Россія и Японія согласятся между собой относительно

*) Ср. договоры съ Россіей 1910 и 1912 годовъ.

мѣръ, которыя онѣ примутъ въ видахъ оказанія другъ другу поддержки и содѣйствія для охраны и защиты сказанныхъ правъ и интересовъ“. Помимо приведенныхъ двухъ статей, официально опубликованныхъ русскимъ правительствомъ, въ договорѣ 20-го іюня (или въ приложеніи къ нему) имѣются, повидимому, и другія. Полуофициальные японскіе источники сообщаютъ, на примѣръ, еще о слѣдующихъ чрезвычайно знаменательныхъ пунктахъ: „Подданные договаривающихся державъ пользуются полной свободой жительства и веденія дѣлъ и предпріятій въ Сибири и японской и русской сферахъ вліянія въ Монголіи и Манчжуріи.—Судоходство по Сунгари, являющееся привилегіей русскихъ, въ равной мѣрѣ свободно и для японцевъ“.—Дополнительный пунктъ трактуетъ „о передачѣ участка Восточной Китайской желѣзной дороги между Сунгари и Куанченцзы Японіи“.

Было бы ошибкой полагать, что ради своихъ чисто политическихъ задачъ, громадныхъ и блестяще осуществленныхъ, Японія жертвовала другими насущными задачами, въ частности экономическими. Напротивъ; внѣшнее расширеніе Страны Восходящаго солнца въ значительной мѣрѣ обусловливалось гигантскимъ ростомъ ея экономической мощи, совершалось подъ знакомъ и во имя экономическихъ интересовъ, шло рука объ руку съ развитіемъ этихъ послѣднихъ. Относящіяся сюда цифры настолько краснорѣчивы, что уже сами по себѣ, помимо всякихъ поясненій, отлично освѣщаютъ вопросъ. Къ нимъ невольно и хочется обратиться и привести нѣкоторыя изъ нихъ. Возьмемъ примѣръ Кореи. До 1904 г. японцевъ въ Корей было не свыше пятнадцати тысячъ человекъ. Въ 1909 г. ихъ тамъ уже до ста пятидесяти тысячъ, сообразно съ чѣмъ ввозъ американскихъ товаровъ

*Праздникъ въ Токио по поводу введенія конституціи.
(Съ японской картины).*

въ „Страну Тихаго Утра“ быстро вытѣсняется ввозомъ товаровъ изъ Японіи. — То же приблизительно видимъ мы и въ Манчжуріи. Въ четырехлѣтній періодъ съ 1905 по 1909 г. американская торговля въ ней падаетъ съ двадцати шести съ половиною милліоновъ долларовъ до семи съ половиною милліоновъ, опять-таки при соответствующемъ повышеніи оборотовъ японской торговли. Среди 69.852 иностранцевъ, жившихъ въ Китаѣ въ 1907 г., японцевъ было 45.610; среди 758 иностранныхъ предпріятій имъ принадлежало 677. Японскій ввозъ въ Китаѣ, оцѣнивавшійся въ 1895 г. лишь въ двадцать три милліона фран-

Императоръ Мутсу-Хито.

ковъ, въ 1909 г. достигаетъ уже суммы въ сто семьдесятъ восемь милліоновъ; ввозъ изъ Китая въ Японію за тотъ же промежутокъ времени съ пятидесяти семи милліоновъ франковъ поднимается до ста двадцати одного милліона. — Въ Сіамъ японскихъ товаровъ было вывезено въ 1895 г. на двадцать тысячъ франковъ, въ 1909 г. — болѣе, чѣмъ на четыре съ половиною милліона. Вывозъ изъ Сіама въ Японію: — на 1.463.000 фр. въ 1900 г., на 6.700.000 въ 1909 г. — Не менѣе показательны и цифры, относящіяся къ торговлѣ Японіи съ Британской Индіей: въ 1895 г. общіе обороты этой торговли равнялись приблизительно 41 милл. франковъ, въ 1909 г. уже 207 милліонамъ. — Торговые обороты между Японіей и Европой за тотъ же періодъ времени возросли съ 96 до 247 милл. фр., торговые обороты между Японіей и Соединенными Штатами достигли къ 1909 г. 480 милл. фр. — Если бы всѣ приведенныя цифры мы сравнили съ тѣми, что отражаютъ ростъ внѣшней торговли любого изъ другихъ государствъ за тѣ же годы, то увидѣли бы, что здѣсь Японія опередила рѣшительно всѣхъ: за два десятилѣтія, послѣднее въ прошломъ

вѣкѣ и первое въ нынѣшнемъ, она сумѣла увеличить общіе обороты своей внѣшней торговли болѣе чѣмъ на 200%, доведя ихъ до 2.110.000.000 франковъ.

Какъ ни блестящи всѣ перечисленныя политическія и экономическія достиженія современной Японіи, она все же не склонна почить на заслуженныхъ лаврахъ и съ неослабной энергіей стремится къ большему и лучшему. Гдѣ необходимо, она намѣчаетъ себѣ новыя территоріальныя пріобрѣтенія; гдѣ слишкомъ многого достигнуть нельзя, ограничивается преслѣдованіемъ однѣхъ чисто экономическихъ цѣлей; гдѣ удастся, работаетъ надъ установленіемъ не только экономического или политического, но и чисто культурнаго своего вліянія. — Такъ, она гостепріимно раскрыла двери своихъ университетовъ для китайскихъ студентовъ, которыхъ въ 1911 г. насчитывала у себя до четырехъ тысячъ. Не довольствуясь этимъ, Японія стала поставлять своихъ профессоровъ для китайской высшей школы, снабжать Китай разнаго рода учеными спеціалистами, преподавателями иностранныхъ языковъ, совѣтниками для правителей областей. Книжные рынки въ крупнѣйшихъ городахъ Китая заполнены японскими изданіями, съ большимъ искусствомъ, настойчивостью, а часто и съ большой откровенностью прививаю-

щими китайцамъ желательныя для Страны Восходящаго Солнца мнѣнія и убѣжденія. Съ нѣкоторыхъ поръ японскіе офицеры почти совершенно замѣнили своихъ нѣмецкихъ коллегъ въ

Маркизь Ито.

должности инструкторовъ китайской арміи. Понемногу японцы стали принимать участіе и въ религіозныхъ движеніяхъ въ Китаѣ.—Въ Сіамѣ, и особенно при Бангкокскомъ дворѣ, японское вліяніе начинаетъ успѣшно конкурировать съ французскимъ и даже съ англійскимъ вліяніями. Когда въ 1906 г. понадобилось произвести реформу женскаго воспитанія въ сіамской императорской фамиліи и въ семействахъ туземной знати, были приглашены изъ Токіо три японки. Важнѣйшія изъ сіамскихъ военныхъ судовъ построены въ Японіи. Сіамская армія снабжена японскими ружьями и прочимъ военнымъ снаряженіемъ. Двое изъ сіамскихъ министровъ въ 1908 г., въ томъ числѣ и военный, были японцы. „Сіамцы — писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сіамскій министръ г. Итагуаки — поняли, что Японія есть именно та держава, на которую они могутъ возлагать свои надежды“.— Съ большимъ вниманіемъ приглядываются японцы къ положенію вещей въ Британской Индіи и къ росту тѣхъ симпатій, которыя въ силу разнообразныхъ причинъ жители ея питаютъ къ Японіи. На берегахъ Темзы долгое время не могли позабыть одной изъ рѣчей графа Окумы, произнесенной имъ въ 1907 г. въ Торговой Палатѣ въ Кобе. „Триста милліоновъ индѣанъ, — говорилъ Окума — притѣсняемыхъ европейцами, ищутъ въ лицѣ Японіи защитницу противъ Европы. Индіане сорганизовываются, чтобы бойкотировать европейскіе товары. Если бы японцы пренебрегли столь прекраснымъ случаемъ, они обманули бы ожиданія индіанъ. Если бы они отказались использовать выгоды положенія, которыя небо посылаетъ имъ, они были бы наказаны за-это... Съ давнихъ поръ Индія страна сокровищъ Александръ Великій набралъ отсюда столько богатыхъ даровъ, что нагрузилъ ими сто верблюдовъ. Аттила и Магометъ обогатились не меньше. Почему бы и японцамъ не наложить руку на эту страну, разъ сами жители ихъ призываютъ?!“.—Еще не такъ давно въ Японіи можно было, оказывается, пріобрѣсти карты, въ которыхъ обращали на себя вниманіе слѣдующія особенности: все восточное побережье Азіи отъ Камчатки и до Владивостока было окрашено на нихъ въ тотъ же цвѣтъ, что и владѣнія Японіи, а надпись, идущая вдоль побережья, гласила: „владѣнія, которыя всего должны быть пріобрѣтены великой Японіей“.—Когда въ 1906 г. японская эскадра посѣтила австралійскіе порты, мѣстныя газеты весьма недвусмысленно заговорили о „мирномъ вторженіи“ Японіи въ Австралію „въ ожиданіи другого“. Именно боязнь этого „другого“ японскаго вторженія побудила австралійскихъ политиковъ искать

Гр. Окума.

сближенія съ Соединенными Штатами, хотя бы даже и нѣсколько наперекоръ желаніямъ и видамъ метрополіи.—Вліятельный японскій журналистъ и депутатъ, Такекоши Іозабуро, ученикъ и другъ графа Окумы, издавна уже ведетъ энергичную кампанію въ пользу расширенія Японіи за счетъ Голландіи. По его мнѣнію, Японіи не слѣдуетъ слишкомъ далеко продвигаться вглубь азіатскаго континента; рано или поздно она силою вещей вновь окажется оттѣсненной къ морю. Будущее Японіи на островахъ, изъ которыхъ въ первую очередь ей слѣдуетъ завладѣть Явой, жемчужиной Зондскаго архипелага. Стратегическое значеніе Явы огромно, природныя богатства ея колоссальны, торговля ея съ Ниппономъ растетъ съ невѣроятной быстротой. Исторія же учитъ, что сѣверныя націи побѣждаютъ націи южныя. Не Японія, такъ Германія захватитъ лакомый кусокъ у тропиковъ, но у голландцевъ онъ не останется: — громадныя островныя владѣнія Голландіи слишкомъ мало соотвѣтствуютъ ея реальнымъ силамъ, какъ державы. Зондскими островами голландцы владѣютъ триста лѣтъ и все-таки ихъ тамъ лишь семьдесятъ тысячъ, тогда какъ японцы владѣютъ Формозой лишь

Походный японскій лазаретъ во время войны 1904—1905 гг.

нѣсколько десятилѣтій и уже переселили въ нее изъ метрополіи до ста десяти тысячъ. Время дѣйствовать настало для Японіи.—Таковы ходъ мыслей и аргументація Такекоши Іозабуро. По указанію компетентныхъ лицъ, онъ отнюдь не одинокъ въ своихъ мечтахъ и требованіяхъ; его программа пользуется сочувствіемъ у многихъ японскихъ политиковъ.—Еще большее значеніе, чѣмъ Ява, имѣютъ для Японіи Филиппины; не меньшее, чѣмъ Ява—Сандвичевы острова. Несомнѣнно, что Японія весьма охотно завладѣла бы и тѣми и другими, но перспектива вступить въ открытую борьбу съ Соединенными Штатами побуждаетъ ее соблюдать невозможную осторожность.—Наконецъ, завладѣвъ въ началѣ текущей войны крѣпостью Кіао-Чао, о которой говорилось выше, японцы сдѣлали-было попытку освободить себя отъ ранѣ даннаго обязательства вернуть дальне-восточную германскую твердыню ея первоначальному владѣтелю Китаю. Полнымъ успѣхомъ попытка эта не увѣнчалась, но зато японцамъ удалось отсрочить окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса до будущей мирной конференціи.

Слишкомъ большая активность и притязательность одной державы обычно не остается безъ противодѣйствія со стороны другихъ державъ, для которыхъ подобная активность опасна. Приходилось и приходится наталкиваться на противодѣйствія также и Японіи. По силѣ возможности борется съ растущей японизаціей многихъ своихъ частей Китай. Гдѣ нужно, умѣетъ оказать умѣряющее вліяніе на честолюбиваго союзника Англія: такъ было при заключеніи Портсмутскаго мира, такъ повторялось и позже. Но особенно на сторожѣ Соединенные Штаты,

для которыхъ одинаково опасно и укрѣпленіе Японіи на азіатскомъ континентѣ, и ростъ ея вліянія въ государствахъ латинской Америки, и ея виды на важнѣйшіе изъ тихоокеанскихъ острововъ, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, и ея настойчивое стремленіе наводнить

сами Штаты японскими элементами. Въ 1908 г. Сѣверная Америка приняла мѣры къ сокращенію притока въ свои владѣнія японскихъ эмигрантовъ. Позже она обратила свое вниманіе на свой военный флотъ, начала старательно усиливать его, предприняла обширныя работы въ Панамскомъ каналѣ. Въ китайскихъ дѣлахъ Соединенные Штаты взяли сторону Китая противъ Японіи и, повидимому, приготовились было даже къ заключенію союзнаго договора съ Китаемъ.

Мы уже знаемъ, какой путь избрала Японія для того, чтобы по мѣрѣ возможности ослаблять дѣйствіе всѣхъ проивовѣсовъ своимъ устремленіямъ. Путь этотъ — сближеніе съ державами „Тройственного Согласія“: съ Англійей (союзные договоры 1902, 1905 и 1911 гг.), съ Франціей (соглашеніе политическаго характера отъ 10 іюня н. с. 1907 г.) и съ Россіей (соглашенія 1907, 1910 и 1912 гг.; союзный договоръ 1916 г.). Къ чему скрывать? Если бы не это сближеніе, мы въ правѣ были бы опасаться, какъ бы въ лучахъ столь стремительно восходящаго японскаго солнца не явилась міру вторая Германія.

Съ точки зрѣнія историческихъ параллелей Японію и Германію сближаетъ многое: одинаковая энергія саморасширенія, одинаковая коммерческая предприимчивость, одинаковое уваженіе къ культурѣ и стремленіе быть впереди всѣхъ на пути къ ея предѣльнымъ высотамъ, одинаковая національная идеологія и національная гордость, граничащая подчасъ съ заносчивостью.

Но, можетъ быть, именно потому, что одна Германія уже есть или была, другой больше не бывать. Уроки исторіи не проходятъ безслѣдно. Позволивъ однажды генію милитаризма воздвигнуть себѣ грозную и отвратительную твердыню въ сердцѣ Европы, народы не повторили бы роковой ошибки на Тихомъ Океанѣ, въ центрѣ приложенія важнѣйшихъ политическихъ силъ Азіи, Америки и Австраліи. Не могли уроки исторіи пройти безслѣдно и для самой Японіи. Въ апогеѣ успѣховъ, славы и побѣдъ она умѣетъ оставаться трезвою, и ждать, и отказываться, и примиряться съ неизбѣжнымъ. Она знаетъ, что связать свою судьбу, хотя бы и на время, съ державами Согласія означаетъ для нея постепенный переходъ къ миролюбивой политикѣ, обязанность удовлетворяться тѣмъ лишь, что исторически она въправѣ получить, — обязанность отказаться отъ многого того, что могла бы получить, если бы пошла не путями права и мира, а путями насилія и крови и новаго великаго международнаго соблазна. За такое „замиреніе“ державы Согласія, думается намъ, уже заплатили новому другу, что слѣдуетъ, и онъ не въ правѣ чувствовать себя обиженнымъ или стѣсненнымъ. —

Маршалъ Ойяма.

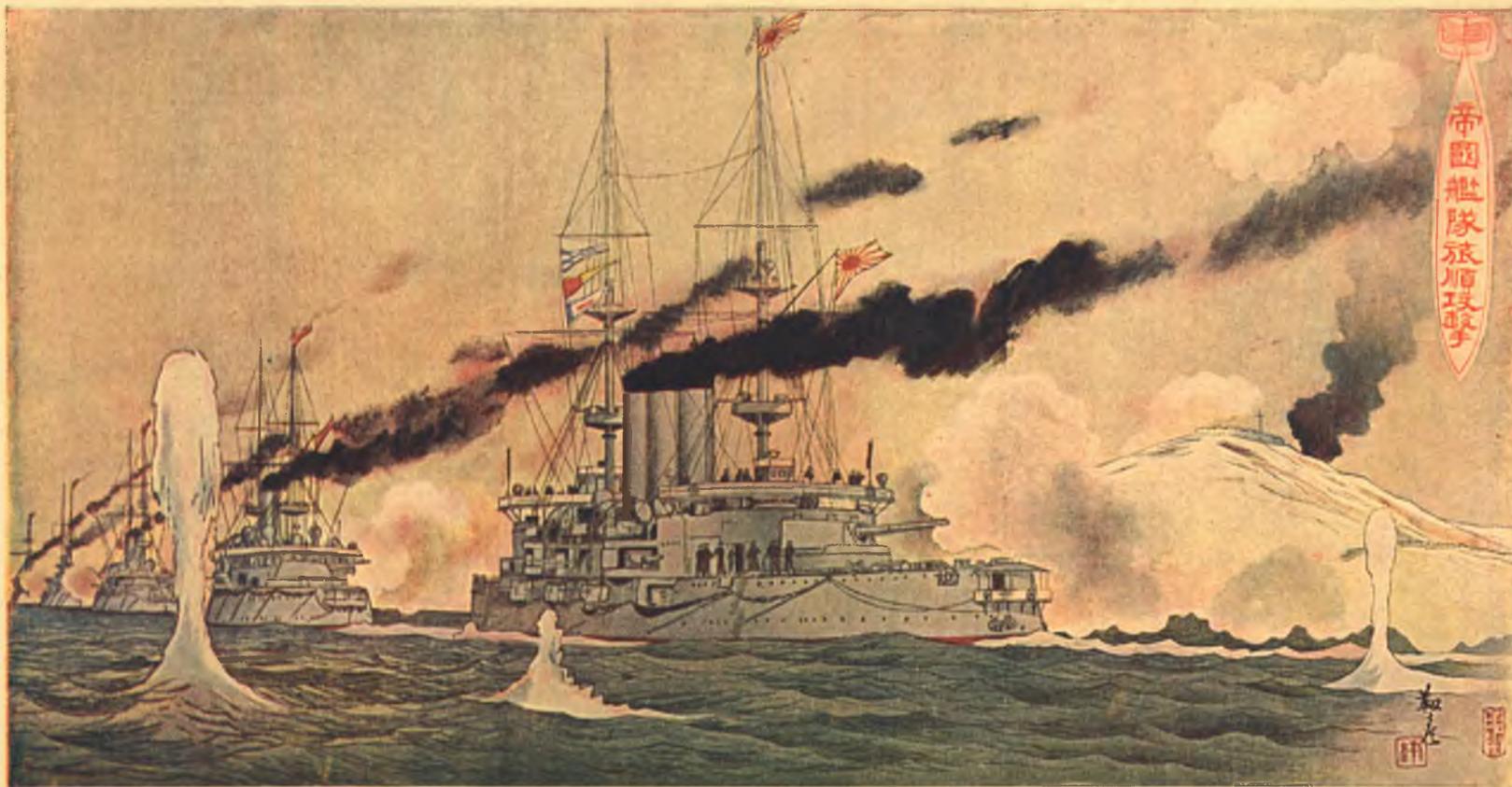
Захватъ японцами дворца корейскаго императора въ Сеулѣ.

Кстати сказать, здѣсь лишній разъ проявляетъ себя та великая идея, которая несомнѣнно лежитъ въ основѣ всей политики державъ Согласія: идея мира, права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Воевать не значить быть воинственнымъ. Стремиться побѣждать не значить искать побѣдъ ради самихъ только побѣдъ. Воистину, воюя съ германской

коалиціей, державы Согласія ведутъ войну противъ войны. И если имъ и въ будущемъ придется воевать, то—будемъ надѣяться—лишь для того, чтобы навсегда вырвать у бога войны его послѣдній мечъ и лишь противъ тѣхъ, кто куетъ ему и вкладываетъ въ руку новые мечи. Съ этой точки зрѣнія сотрудничество Японіи съ державами Согласія въ теперешней войнѣ является новымъ цѣннымъ залогомъ будущаго торжества идеи мира и права. Съ этой точки зрѣнія его особенно хочется привѣтствовать.

Ю. Кереминскій

Японский флотъ у Портъ-Артурса.

Съ японской народной картинки

РОССІЯ и РУМЫНІЯ.

Статья проф. А. Л. ПОГОДИНА.

КОГДА вскорѣ послѣ вступленія Румыніи въ войну на сторонѣ Россіи и ея союзниковъ одинъ изъ ея государственныхъ людей заявилъ, что отнынѣ Румыніа на долгіе годы соединила свою участь съ судьбой Россіи, онъ констатировалъ возвращеніе своей родины на историческій культурныхъ путь ея развитія. Дѣйствительно, съ Россіей Румынію связывали столѣтія и политическихъ отношеній, съ Франціей и Италіей живое чувство своего племеннаго родства, приведшее въ послѣднее время къ развитію „латинской уніи“. Съ центральными державами Румынію соединяли весьма реальныя крѣпкія узы, заключавшіяся въ экономической заинтересованности обѣихъ сторонъ, а также въ германскомъ происхожденіи румынской династіи и вытекающихъ изъ этого политическихъ и культурныхъ послѣдствій. Если эти узы были разорваны, то для этого должны были имѣться на лицо очень вѣскія причины, анализъ которыхъ блестяще произведенъ въ ультимативной деклараціи румынскаго правительства въ августѣ 1916 года. Для пониманія ихъ, однако, намъ нужно обратиться къ прошлому Румыніи.

До конца 13 вѣка румыны, представляющіе романизированное потомство придунайскихъ еракійцевъ и поселенныхъ въ странѣ римлянъ, не пользовались государственной самостоятельностью. Въ предкарпатскихъ равнинахъ, составлявшихъ Паноннію, господствовали римляне, затѣмъ германцы, Византія, восточные кочевники, доходившіе до Дуная, славяне и наконецъ мадьяры, нахлынувшіе въ концѣ 9 вѣка въ Паноннію и создавшіе здѣсь могущественное государство. Фактъ, бросавшійся въ глаза всѣмъ историкамъ Румыніи и подвергнутый теперь обстоятельному изученію, заключается въ значительномъ числѣ румынскихъ культурныхъ словъ, заимствованныхъ изъ славянскаго языка. Отъ славянъ же румыны получили свою христіанскую культуру, и православная церковь служила въ теченіе столѣтій — и отчасти сохранила до сихъ поръ это значеніе — узами, соединившими Россію и южное славянство съ румынами. Эти узы еще болѣе окрѣпли, когда сначала Валахія (1290), затѣмъ Молдавія (1360) сдѣлались независимыми княжествами, господарствами. Среди господарей Валахіи и Молдавіи было не мало людей, умѣвшихъ отстаивать самостоятельность своихъ государствъ отъ враждебныхъ сосѣдей. Таковъ былъ воевода Богданъ, поднявшій возстаніе противъ Венгріи и за-

воевавший независимость Молдавіи, и въ концѣ 14 вѣка „воевода Божіей милостью, самодержецъ и князь, царствующій въ Молдавіи отъ Карпатскихъ горъ до моря“, Петръ, сынъ Мушаты. Въ ту же самую пору престоль Валахіи занималъ господарь Мирчеа Великій, долго и упорно боровшійся съ турецкимъ нашествіемъ. Ему удалось сохранить автономію Валахіи и приобрѣсти вліяніе въ самой Оттоманской имперіи.

Расцвѣтъ придунайскихъ княжествъ продолжался недолго: они слишкомъ поздно выступаютъ на историческую арену, когда Балканскому полуострову уже угрожаютъ турки. Страшная мощь османовъ, все разрушающая на своемъ пути, распространилась и по ту сторону Дуная: во второй половинѣ 15 в. турки фактически господствовали уже въ обѣихъ княжествахъ. Несмотря на побѣду, которую молдавскій господарь Стефанъ Великій одержалъ въ 1475 г. на рѣкѣ Бергадѣ надъ турецкими войсками, Молдавія не могла добиться никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ въ этой безнадежной борьбѣ. Союзъ съ Польшей, верховное господство которой призналъ Стефанъ, также не помогъ ему: напротивъ, молдавскій господарь ока-

Античная статуя.
(Изъ раскопокъ въ Кои-станцѣ).

зался вынужденъ защищать свою независимость отъ самой Польши и въ 1495 г. нанесъ поражение польскимъ войскамъ. Стефанъ не желалъ примириться и съ турецкимъ владычествомъ и продолжалъ искать союзниковъ для борьбы съ нимъ. Разочаровавшись въ Польшѣ, онъ обращается на востокъ, къ православному государю, московскому великому князю Ивану III. Но Иванъ, на котораго были устремлены взоры и балканскаго славянства, былъ слишкомъ слабъ, чтобы подняться противъ всемогущихъ тогда турокъ, и Стефанъ, не видя ни откуда спасенія, завѣщалъ своему сыну Богдану добровольно принять владычество Оттоманской имперіи. Турція оставила обоимъ княжествамъ ихъ внутреннюю автономію; династии господарей вели ожесточенную борьбу за власть, все болѣе втягивая, благодаря этому, турецкую власть во вмѣшательство въ судьбы Валахіи и Молдавіи.

Такимъ образомъ, уже въ концѣ 16 вѣка турецкое иго ощущалось здѣсь, какъ дѣйствительное владычество варваровъ, не признававшихъ никакой свободной національной жизни. И это сознаніе невыносимости положенія вызываетъ въ народѣ стремленіе къ объединенію. На такой путь организациі всѣхъ народныхъ румынскихъ силъ вступилъ валашскій господарь Михаилъ Храбрый, имя котораго не даромъ выдвигаетъ въ румынскихъ историческихъ воспоминаніяхъ, какъ имя національнаго героя. Михаилъ Храбрый велъ ожесточенную борьбу съ турками и сумѣлъ объединить около національнаго знамени Молдавію и Трансильванскихъ румынъ. Особенное значеніе имѣло пораженіе, нанесенное имъ туркамъ подъ Джурджевомъ въ 1595 году. Казалось, осуществлялась національная идея румынскаго народа, его объединеніе и освобожденіе отъ турецкаго ига. Однако, событія нарушили возможность реализаціи этого плана: польскій король Сигизмундъ III Ваза, нуждаясь въ помощи Турціи для своей борьбы со Швеціей за шведскій престоль, оказалъ Турціи содѣйствіе въ войнѣ съ Михаиломъ. Онъ былъ вынужденъ отказаться отъ Молдавіи, а нѣсколько позже и отъ Трансильваніи, хотя блестящая побѣда надъ седмиградскимъ герцогомъ, Андреемъ Баторіемъ, предоставила ему въ концѣ 1599 года столицу Седмиградія Карлсбургъ. Смерть Михаила положила конецъ его идеѣ.

Между тѣмъ съ Россіей завязывались все болѣе прочныя отношенія на почвѣ религіознаго единства. Въ Румыніи господствовалъ до 16 в. славянскій языкъ, бывший здѣсь языкомъ церкви и государственныхъ учреждений. Съ развитіемъ монастырской жизни въ Молдавіи и

Валахія въ 14 и 15 в. усиливается и славянская письменность, заключающаяся по преимуществу въ переписываніи старыхъ, особенно болгарскихъ текстовъ. До паденія болгарской независимости, т.-е. до конца 14 в., Румынія испытывала особенно сильное культурное вліяніе со стороны именно Болгаріи: въ центрѣ релігіозной жизни румынъ, Нямецкомъ монастырѣ, преобладали болгарскія рукописи, но встрѣчались также нерѣдко сербскія и русскія. Черезъ Молдавію прибылъ въ Россію изъ Болгаріи въ началѣ 15 в. извѣстный кievскій митрополитъ, Григорій Цамблакъ. Въ 17 столѣтіи уже не Балканскій полуостровъ, но Россія становится источникомъ духовнаго просвѣщенія для румынъ. Подъемъ національнаго сознанія въ придунайскихъ государствахъ привелъ къ попыткамъ созданія собственныхъ печатныхъ книгъ, такъ какъ „почти всѣ народы имѣютъ слово Божіе на своемъ языкѣ, и только румыны лишены его“, какъ говорится въ предисловіи къ одной богослужебной книгѣ конца 16 вѣка. Но тотъ же самый подъемъ вызвалъ и первыя политическія связи румынъ съ Россіей.

Развалины стариннаго княжескаго дворца.

Послѣ неудачныхъ попытокъ освободиться отъ турецкаго ига, которыми ознаменовалась исторія румынъ въ концѣ 16 вѣка, Порта рѣшила передать управленіе мятежными провинціями

*Памятникъ побѣды.
(По реставраціи Фуртвенглера).*

людямъ, которымъ она довѣряла. Это были греки-фанариоты, умѣвшіе внушать тупой турецкой власти страхъ передъ славянскими подданными имперіи и просто покупавшіе свои должности у визирей. Но румыны крѣпко защищали свои національныя позиціи, и еще долго въ теченіе 17 вѣка на престолахъ Валахіи и Молдавіи мы видимъ представителей старой румынской аристократіи. Растетъ и крѣпнетъ сознаніе національнаго и языкового единства. Въ 1648 г. выходитъ румынскій переводъ Новаго Заветъа, предназначенный для всего румынскаго народа. Переводчикъ старался писать такъ, чтобы его поняли „румыны изъ всѣхъ мѣстностей“. Это движеніе возникло, какъ указываетъ новѣйшій историкъ русско-румынскихъ отношеній¹⁾, подъ вліяніемъ южно-русской образованности. Кіевскій митрополитъ

Петръ Могила снабжалъ Молдавію типографіями, посылалъ румынамъ учителей. Кіевскія

¹⁾ С. И. Чебанъ. Доснѣей, митрополитъ Сучавскій и его книжная дѣятельность. Кіевъ. 1915. Ср. А. Я. Яцимирскаго — Григорій Цамблакъ. С.-Пб. 1904 и его же „Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библиотекъ“ (Сборн. Акад. Наукъ. Т. 79), „Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи“ и друг. соч.

изданія перепечатывались или переводились румынами. Вообще при валашскомъ господарѣ Матвѣѣ Бассарабѣ (1633—1654) и молдавскомъ Василии Лупулѣ (1634—1653) Румынія дѣлаетъ энергичныя усилія къ созданію національной культуры и политическому освобожденію. Естественно, что всѣ взоры обращены въ это время на все растущее могущество Московскаго царства.

Присоединеніе Молороссіи къ Москвѣ произвело громадное впечатлѣніе на весь православный міръ. Богданъ Хмельницкій находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ молдавскимъ и валашскимъ господарями, и въ 1652 г. въ Константинополѣ опасались, что они соединятся и „что-нибудь надъ турками промышлять“. Но Москвѣ приходилось еще выдержать тяжелую борьбу съ Польшей, и только въ концѣ 17 вѣка, когда перевѣсъ Россіи на Востокъ былъ уже совершившимся фактомъ, со стороны румынъ, испытывавшихъ изнеможеніе въ своей національ-

ной борьбѣ, начинаются настойчивыя просьбы о помощи.

Въ 1684 г. Сучавскій митрополитъ Досифей отправляется въ Россію съ прошеніемъ къ царямъ Іоанну и Петру о принятіи Молдавіи въ русское подданство: „да избавите насъ отъ находящихся на насъ бѣдъ, приближающихся намъ уже къ конечной погибели отъ безбожныхъ Турковъ и Татаровъ“ (Полн. Собр. Законовъ II. № 1324). Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1688 г. въ Москву пришло посланіе и отъ валашскаго господаря Щербана, который въ витиеватыхъ выраженіяхъ описывалъ страданія христіанъ отъ невѣрной „мучительной силы“ и прибавлялъ: „яко нѣкогда отъ истиннаго Мессіа, разрушителя умнаго фараона, ожидалъ міръ избавленія своего, сицевымъ образомъ нынѣ отъ васъ великихъ и пресильныхъ царей отъ рукъ видимаго фараона православные ожидаютъ избавленія своего“. Такимъ образомъ, вопросъ о присоединеніи румынскихъ княжествъ

Князь Григорій Гика.

къ Московскому царству, казалось, былъ близокъ къ осуществленію. Въ концѣ 17 в. Россія открыто признаетъ своей миссіей освобожденіе правильныхъ народовъ Балканскаго полуострова.

Царевна Софья, и затѣмъ Петръ Великій идутъ въ своей румынской политикѣ по стопамъ отца. Но ихъ борьба съ Турціей оказалась еще непосильной для Россіи: крымскіе походы князя В. В. Голицына окончились неудачей, Петръ Великій едва не погибъ со своимъ войскомъ во время Прутскаго похода 1711 г. И вопросъ о подданствѣ Валахіи и Молдавіи былъ разрѣшенъ разъ навсегда отрицательно. А въ 18 вѣкѣ, въ „Петербургскій періодъ“ русской исторіи, и вообще дѣла приняли новый оборотъ.

Послѣ Петра Великаго въ русской политикѣ наступаетъ господство нѣмцевъ. Прутская неудача ввергла румынскія княжества въ еще горшее турецкое рабство, и ими управляютъ назначаемые турками господами сначала изъ стараго румынскаго боярства, потомъ изъ грече-

ских фанариотовъ. Что касается русской дипломатіи, то по отношенію къ ней можно примѣнить слова, сказанныя Н. Д. Чечулинымъ о русско-австрійскихъ отношеніяхъ первой половины 18 вѣка: „Русскіе тогдашніе дѣятели не только не умѣли; они, можно сказать, и не пытались воспользоваться этимъ союзомъ на пользу Россіи — по крайней мѣрѣ, въ ихъ дѣйствіяхъ мы видимъ постоянно странную, намъ почти непонятную уступчивость передъ Австріей, полное молчаніе о русскихъ интересахъ, полное отсутствіе стремленія провести что-либо выгодное для Россіи“. И такъ было во всемъ.

Между тѣмъ пресмыкательство русской дипломатіи передъ Австріей было тѣмъ вреднѣе, что именно въ балканской и дунайской политикѣ русскіе интересы скрещивались съ австрійскими. Но тотъ здоровый инстинктъ самосохраненія, который

Замокъ румынскійъ сибирскій.

столько разъ спасалъ русско-славянскія отношенія, и тогда выступалъ съ достаточной силой, несмотря на всю чуждость официальной Россіи русскимъ національнымъ интересамъ. Славянство настойчиво требуетъ отъ Россіи официальнаго признанія ея своей обязанности покровительствовать православнымъ народамъ Востока, позволить вмѣстѣ съ тѣмъ имъ „быть подъ повелѣніемъ російскаго двора“, какъ выражается записка, поданная нѣкимъ „далматинскомъ епископомъ“ Канцаревичемъ въ 1764 году русской императрицѣ. Общему теченію подчинялись и румыны, испытавшіе тѣмъ большій гнетъ, чѣмъ больше возростала анархія въ Турціи. Поэтому, во время русскаго похода 1769 г., когда оба княжества были заняты русскими войсками, ихъ встрѣчали, какъ „освободителей“, особенно въ Валахія, а въ слѣдующемъ году въ С.-Петербургъ

Силистрія въ началѣ прошлаго столѣтія.

отправилась депутація изъ боярства „освобожденных“ валаховъ и молдаванъ. Молдавія просила ввести у нея олигархическое управленіе, назначаемое русскимъ генераломъ въ качествѣ представителя русской императорской власти. Валахія просила устами своей депутаціи безъ оговорокъ „соединить страну съ другими провинціями, которыми владѣетъ всемогущая Россія“. Такимъ образомъ, спустя сто лѣтъ послѣ первой попытки румыны готовы были опять слиться съ Россіей: открыть ей широкую дорогу по Дунаю къ

дѣйствительному вліянію на Балканскомъ полуостровѣ. Москва понимала всю важность этой задачи и стремилась, какъ могла, выполнить ее. Петербургъ ограничился пустыми фразами и не сдѣлалъ шага къ дѣйствительному приобрѣтенію господства въ Румыніи.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. вернулъ всѣ завоеванія въ Румыніи, сдѣланныя

Россіей, Турціи, ограничивъ однако права Блистательной Порты нѣкоторыми оговорками. Турція обязывалась „соблюдать всякое челоуѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ подати“, разрѣшала „Князьямъ сихъ двухъ Княжествъ, каждому съ своей стороны, имѣть при Блистательной Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ изъ христіанъ греческаго закона“, соглашалась на заступничество Россіи передъ Портой по дѣламъ Княжествъ и „общала внимать оныя съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ державамъ уваженіемъ“. По существу же, положеніе Молдавіи и Валахіи мало измѣнялось къ лучшему. Напротивъ, Екатерина не замедлила показать, какъ она мало понимаетъ дѣйствительные національные интересы Россіи: въ слѣдующемъ 1775 г. верхняя Молдавія была отщеплена и подарена Австріи. Надо видѣть, съ какимъ негодованіемъ донинѣ румынскіе историки ¹⁾ говорятъ объ этомъ актѣ, представившемъ Австріи плодородную Буковину и съ ней сотни тысячъ крестьянъ русскаго и румынскаго происхожденія, чтобы понять смыслъ его. Слѣдуетъ прибавить, что Россія не воспользовалась даже тѣми правами, какія пріобрѣтала по договору 1774 года: она относилась съ полнымъ индифферентизмомъ къ тѣмъ правонарушеніямъ, которыя допустила Турція въ замѣщеніи княжескихъ должностей въ обоихъ румынскихъ государствахъ, хотя въ обѣихъ столицахъ этихъ послѣднихъ, въ Бухарестѣ и Яссахъ, сидѣли русскіе консулы.

Оршава въ 1826 г.
Съ литографіи.

Новая русско-турецкая война, закончившаяся въ 1791 г. миромъ въ Яссахъ, опять открывала передъ Россіей путь сліянія съ Придунайскими княжествами, путь, по которому и на этотъ разъ она не пошла. Въ новомъ договорѣ не было никакихъ упоминаній о Молдавіи и Валахіи, и безнадежность русской позиціи направила вниманіе румынскихъ патріотовъ въ сторону Австріи, которая умѣло притворялась, что интересуется славянскими дѣлами. Въ представленной запискѣ валашскіе бояре

говорятъ уже о „валашской націи“, оспариваютъ правильность ходячихъ представлений о княжествахъ, какъ „простыхъ турецкихъ провинціяхъ“ и т. д. И эта записка не имѣла никакого существеннаго значенія. Но вся обстановка международныхъ отношеній выдвигала все время румынъ, какъ и поляковъ, какъ и другія меньшія народности. Сто лѣтъ тому назадъ происходило совершенно то же, что и теперь. Когда мы говоримъ, что современная война выдвинула впервые значеніе малыхъ народовъ и государствъ, мы забываемъ, что то же самое было и во время Наполеоновскихъ войнъ. Придунайскія княжества пріобрѣтаютъ огромное значеніе въ 1806—1807 г.

Однимъ изъ вопросовъ, поставленныхъ на совѣщаніи въ Тильзитѣ, былъ и румынскій. Наполеонъ требовалъ увода русскихъ войскъ изъ придунайскихъ княжествъ. Но въ частной бесѣдѣ онъ далъ понять, что отнюдь не намѣренъ настаивать на этомъ, а на свиданіи въ Эрфуртѣ соглашеніе императоровъ относительно Валахіи и Молдавіи привело къ тому, что княжества, въ которыхъ Турція была признана неспособной поддерживать порядокъ, вручались Россіи. Въ этомъ смыслѣ Наполеонъ сдѣлалъ сообщеніе въ январѣ 1809 года законодательному корпусу, а въ маѣ всей Европѣ было сообщено въ дипломатическомъ порядкѣ, что ан-

¹⁾ N. Jorga. Geschichte des rumänischen Volkes. 1905 Ср. также Н. Борецкаго Бергфельда. Исторія Румыніи. 1909.

некія княжества уже совершившійся фактъ. Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ вся картина измѣнилась: желая избѣжать разрыва съ Австріей, которая не могла примириться съ новымъ пріобрѣтеніемъ Россіи, Александръ I предложилъ княжества австрійскому императору Францу, за которымъ стоялъ Наполеонъ, женившійся на дочери его и уже вовсе не располсженный въ концѣ 1811 г. къ содѣйствию Россіи. Александръ, въ свою очередь, спѣшилъ примириться съ Турціей и заключилъ въ маѣ 1812 г. миръ въ Бухарестѣ, по которому восточная часть Молдавіи, подъ именемъ Бессарабіи, отошла къ Россіи. Это былъ тяжелый ударъ, нанесенный русско-румынскимъ отношеніямъ, такъ какъ румыны никогда не могли примириться съ отторженіемъ части изъ національной области.

И все-таки, несмотря на капризность, неустойчивость, безответственность русской политики, только отъ Россіи румынскія княжества могли рассчитывать на дѣйствительную помощь. Правда, Вѣнскій конгрессъ, стоя на принципѣ законнаго владѣнія, ничего не сдѣлалъ для нихъ; однако, Александръ I продолжалъ стремиться къ возможному ослабленію Турецкой импе-

Соборъ Св. Іосифа въ Бухарестѣ. (Внутренній видъ).

Соборъ Св. Іосифа въ Бухарестѣ. (Внѣшній видъ).

ріи и не могъ не пользоваться для этой цѣли румынами. Гетеристское движеніе перекинулось изъ Греціи въ Румынію и выразилось здѣсь въ стремленіи изгнать фанариотовъ, турецкихъ ставленниковъ, и замѣнить ихъ національными династіями. Въ 1821 г. султанъ былъ вынужденъ сдѣлать эту уступку придунайскимъ княжествамъ, и боярами были избраны и султаномъ утверждены въ Молдавіи Иванъ Стурза, въ Валахіи Григорій Гика. Эпоха турецкаго рабства навсегда миновала для румынскихъ государствъ. Со свободой національной жизни пришли стремленія организовать ее въ формѣ того или другого конституціоннаго строя, а также объединительныя стремленія. Каковы же были русско-румынскія отношенія въ эту важнѣйшую пору перваго образованія національной государственности послѣ многолѣтней зависимости отъ Турціи?

Какъ общую тенденцію, слѣдуетъ отмѣтить искреннее руссофильство большинства бояръ, а съ русской стороны, къ несчастью, поразительную неумѣлость, совершенно ненужную жесткость въ навязываніи румынамъ своего уклада, но вмѣстѣ съ тѣмъ, опять-таки, заботливость о національномъ освобожденіи румынъ, — заботливость, въ которой было бы не-

справедливо видѣть только холодный расчетъ. Напротивъ, расчета было слишкомъ мало, ему совершенно противорѣчила импульсивность русской политики. Несомнѣнно, смутное представленіе о русскихъ историческихъ задачахъ на Дунаѣ, среди единовѣрцевъ, дошло по наслѣдству, какъ пережитокъ исконнаго русскаго національнаго сознанія, и до Николаевского режима. Но какъ странно оно проявлялось, когда роль представителей Россіи вручалась всевозможнымъ нѣмцамъ, заполнявшимъ въ ту пору (какъ и всегда) ряды русской дипломатіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ и обращеніе русскихъ властей съ румынской аристократіей, владѣвшей землей и крѣпостнымъ трудомъ, было грубое и пренебрежительное. Россію чтили официально и ненавидѣли въ душѣ за грѣхи, въ которыхъ подлинная Россія вовсе не была повинна. Напротивъ, только заступничество Россіи привело румынъ, по Адрианопольскому миру 1829 г. къ осуществленію ихъ давнишней завѣтной мечты: княжества полу-

Король Карлъ Румынскій.

чили національныхъ пожизненныхъ государей, вся зависимость отъ Турціи сводилась къ уплатѣ ежегодной подати. Еще до этого времени самими румынами, при поддержкѣ русскихъ консуловъ, было выработано для Валахіи и Румыніи государственное устройство, введенное въ 1834 г. подъ названіемъ *Règlement organique*. Теперь оставалось сдѣлать послѣдніе шаги къ объединенію и сверженію остатковъ Турецкаго ига. Этотъ огромный политическій успѣхъ былъ приобрѣтенъ, благодаря содѣйствію Россіи. Никто не могъ это отрицать, и все-же руссофильство все больше падало въ странъ: слишкомъ отталкивающими приемами оно пользовалась въ своихъ отношеніяхъ къ маленькимъ государствамъ единовѣрцевъ, а порабощеніе всякой свободной мысли въ Россіи, гнѣть крѣпостничества и т. д. отталкивали отъ Россіи. И въ эту пору наблюдается повсюду одинаковое явленіе: народы, которые должны были бы оставаться благодарными освободившей ихъ Россіи, отстраняются отъ нея. Сербія склоняется къ австрійскому вліянію, Румынія подчиняется прежде всего французскому, тогда враждебному Россіи: изъ Франціи заимствуются вкусы, либеральныя идеи, способы жизни, въ Парижъ, какъ въ высшій

центръ образованности и культуры, съѣзжается румынская молодежь.

Эта связь Румыніи съ Франціей осталась дѣйственнымъ факторомъ румынской политики до послѣдняго времени, и если не была рѣшающимъ моментомъ въ переходѣ Румыніи на сторону Россіи и ея союзницъ то, во всякомъ случаѣ, подготовляла почву для него. Она основывалась какъ на культурномъ воздѣйствіи Франціи, которая была для румынъ законодательницей въ области литературныхъ вкусовъ и жизненнаго обихода, такъ и на солидныхъ капиталахъ, вложенныхъ Франціей въ румынскую промышленность. Наконецъ, въ послѣднее время развитіе идеи „латинской уніи“ сдѣлало завоеваніе и въ Румыніи, подготовленное тѣмъ, что между этой послѣдней страной и Франціей отношенія всегда были безоблачны. Еще Наполеонъ III, готовя войну съ Россіей, создавалъ въ придунайскихъ княжествахъ румынское настроеніе.

Съ Россіей же румынамъ приходилось имѣть дѣло постоянно. Въ 1828 г. русскія войска произвели оккупацию ихъ, которая продолжалась до апрѣля 1834 г. Но и послѣ этого зависи-

мость отъ Россіи продолжалась: въ 1837 г. Règlement было дополнено замѣчаніемъ, что „дальнѣйшія измѣненія въ управленіи княжествъ могутъ быть предприняты только съ согласія Порты и съ одобренія Россіи“. Такимъ образомъ, къ тяжело ощущаемому турецкому гнету присоединялось не менѣе тяжело воспринимаемое давленіе Россіи, производимое въ эпоху суроваго деспотизма Николая I. Русскій консулъ, баронъ фонъ-Рукманъ, трактовалъ румынъ, какъ русскихъ подданныхъ, и накладывалъ свою руку на всякія попытки румынъ къ осуществленію національной идеи и въ результатъ этого въ обоихъ княжествахъ воцарилась спячка, господствовавшая до 1848 г. и затѣмъ смѣнившаяся бурнымъ революціоннымъ движеніемъ. Однимъ изъ его лозунговъ, изложеннымъ въ брошюрѣ главы національной партіи Когальничану, было именно объединеніе княжествъ. Охранитель европейскаго порядка, имп. Николай I, не могъ перенести такого разрушенія устоевъ, и онъ, пришедшій на помощь Австріи для усмиренія венгерскаго возстанія, конечно, наложилъ свою тяжелую руку и на „соціалистическую“ революцію румынскихъ княжествъ. Валахія и Молдавія были вновь оккупированы (1848—1851) русскими войсками, содержаніе которыхъ легло всей своей тяжестью на нихъ, господа были

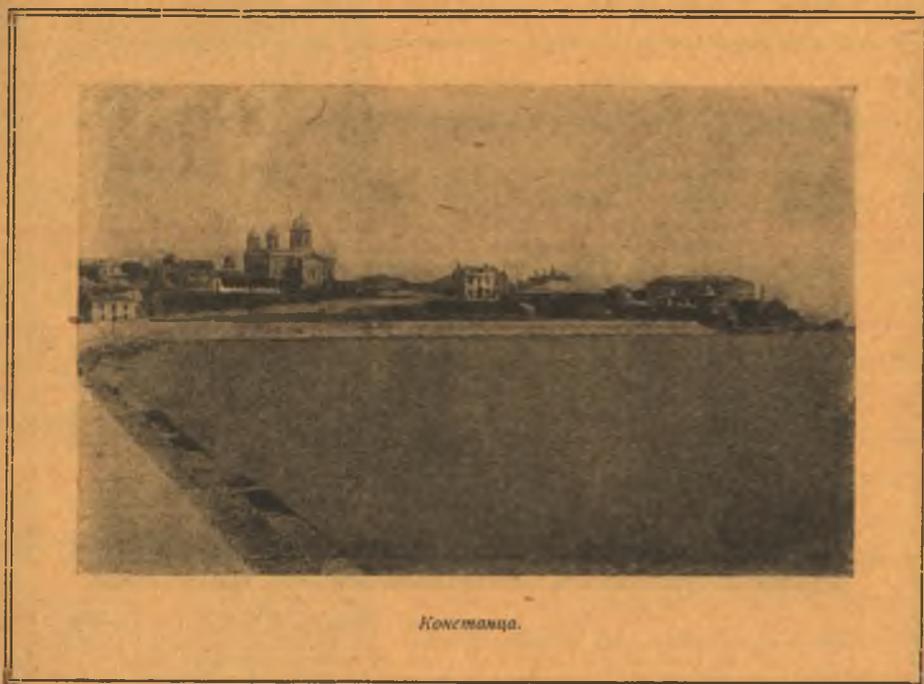
Королевскій замокъ въ Синай.

смѣщены, Органическій уставъ 1831 года возстановленъ. Затѣмъ началась Крымская война, закончившаяся Парижскимъ миромъ 1856 г. По этому договору, Россія была вынуждена отказаться отъ южной части Бессарабіи, которая возвращалась Молдавіи, а также она была лишена права вмѣшательства во внутреннюю жизнь княжествъ. „Блистательная Порта обязуется оставить въ сихъ Княжествахъ независимое національное управленіе... Дѣйствующіе нынѣ въ оныхъ законы и уставы будутъ пересмотрѣны, Его Величество Султанъ обѣщаетъ немедленно созвать въ каждой изъ двухъ областей нарочный для того Диванъ, который долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ служить вѣрнымъ представителемъ пользы всѣхъ сословій общества. Симъ Диванамъ будетъ поручено выразить желанія народонаселенія касательно окончательнаго устройства Княжествъ“. Благодаря этому, Валахія и Молдавія получали надежду на осуществленіе своихъ національныхъ стремленій. Европа, во главѣ которой стояла Франція, спасала румынъ отъ Россіи. Какое это было печальное пророчество на будущее время, но кого можно винить здѣсь, кромѣ самой Россіи, которая теперь была такъ безконечно далека отъ мудрыхъ завѣтовъ Московскаго царства.

Дальнѣйшая эволюція румынъ совершилась уже безъ участія Россіи. Въ началѣ 1859 г.

князь Куза былъ избранъ княземъ объединенныхъ княжествъ, которыя получили теперь объединяющее названіе România (Румынія). Два года спустя, удалось добиться отъ султана признанія совершившагося факта. Затѣмъ въ февралѣ 1866 г. Куза долженъ былъ уступить стремленію общества видѣть во главѣ государства настоящаго прирожденнаго принца, и таковою былъ найденъ, конечно, въ Германіи. Карлъ Гогенцоллернъ воцарился въ Румыніи въ 1866 г. Все это произошло или безъ всякаго содѣйствія Россіи, или даже рѣшительно вопреки ей.

Въ русско-турецкой войнѣ приняла участіе и Румынія. Черезъ ея государственную область, почти не спрашивая разрѣшенія, проходила русская армія, двигавшаяся на Балканы. Румынская военная помощь была сначала пренебрежительно отвергнута; потомъ, послѣ Плевненскихъ неудачъ, румыны получили приглашеніе помочь. Императоръ Александръ II былъ въ личныхъ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ Карломъ, но, какъ съ горечью отмѣчаютъ румынскіе историки, онъ удостоивался этой чести отнюдь не какъ румынскій князь, но какъ Гогенцол-

лернъ. Берлинскій трактатъ 1878 г. установилъ независимость Румыніи, фактически существовавшую и раньше. Отношенія между Россіей и Румыніей обострились до такой степени, что одно время грозили войной, при чемъ Румынія, получая по Санъ-Стефанскому договору обширныя территоріальныя приращенія въ Добруджѣ соглашалась на уступку Россіи сравнительно незначительной области въ Бессарабіи. Въ своихъ воспоминаніяхъ недавно вышедшихъ подъ названіемъ „Санъ-Стефано“ (1916). Гр. Н. П. Игнатьевъ подробно рассказываетъ объ австрійской интригѣ, направленной на разпаденіе страстей въ Румыніи. Къ сожалѣнію, русская дипломатія совершенно не понимала этого и вызвала своей неумѣлостью острую вражду Румыніи къ Россіи.

Послѣ войны 1878 года отношенія между Россіей и Румыніей надолго испортились. Румынія, управляемая государемъ, который до конца своихъ дней чувствовалъ и называлъ себя нѣмцемъ, совершенно обособилась отъ Россіи. Въ 1881 г. Карлъ объявилъ себя румынскимъ королемъ, въ 1883 г. онъ примкнулъ къ Тройственному Союзу, остріе котораго было направлено противъ Франціи и Россіи, — державъ, съ которыми именно Румынія была особенно тѣсно связана культурными симпатіями и историческими воспоминаніями. Казалось, что Ру-

мынія должна будетъ выступить противъ Россіи, и со стороны этой послѣдней принимались извѣстныя мѣры предосторожности. Такъ, по сообщенію чл. Гос. Думы Д. Н. Чихачева („Современная Румынія. Путевыя замѣтки“. 1914), стратегическія соображенія не позволяли соединить Россію достаточно развитой желѣзнодорожной сѣтью съ Румыніей, — недостатокъ, отъ котораго равно терпятъ теперь обѣ страны. Съ другой стороны, разрушеніе естественной связи Румыніи съ Россіей направило ее на путь опасной и вредной политики, которую одинъ румынскій государственный дѣятель правильно опредѣлилъ, какъ „чрезмѣрный меркантилизмъ“.

Почему же все-таки въ конечномъ итогѣ двухлѣтнихъ колебаній, долгихъ извилинъ между двумя группами державъ, Румынія вернулась на свой единственно правильный путь сближенія съ Россіей, которая, какъ ни какъ, создала румынскую національную независимость, и съ Франціей, которая дала Румыніи ея внѣшнюю культуру? Причины этого поворота въ румынской политикѣ двоякаго рода. Просматривая румынскую „Зеленую Книгу“¹⁾ за время первой Балканской войны 1912—1913 г., мы можемъ замѣтить, какъ румынская недовѣрчивость по отношенію къ Россіи смѣняется симпатіями и довѣріемъ. 10/23 окт. 1912 г. румынскій посланникъ въ Софіи запрашиваетъ румынскаго министра-президента, дала-ли Россія какія-либо гарантіи Болгаріи въ случаѣ угрожающаго положенія ея сѣверной сосѣдки? 22 окт. / 4 ноября того же года румынскій министр-президентъ сообщаетъ королю, что Россія предлагаетъ Румыніи исправленіе румыно-болгарской границы въ Добруджѣ. Русскій посланникъ въ Болгаріи употребляетъ со своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы побудить болгаръ къ скорѣйшему заключенію соглашенія съ Румыніей, ибо „каждый день промедленія объясняется въ Бухарестѣ, какъ доказательство намѣренія болгаръ не дать румынамъ ничего“ (10 дек. 1912 г.). Русская дипломатія старалась укрѣпить Балканскій союзъ и склонить Болгарію къ необходимымъ уступкамъ Румыніи, которая 28 дек. 1912 г. устами румынскаго правительства свидѣтельствовала г. Сазонову „глубокую признательность за содѣйствіе, оказываемое Румыніи“. 6 февр. 1913 г. Румынія обратилась къ русскому правительству съ просьбой принять на себя арбитражъ въ ея спорѣ съ Болгаріей, на что соглашалась и эта послѣдняя. 26 апр. / 9 мая 1913 г. былъ подписанъ протоколъ совѣщанія, происходившаго въ Петербургѣ: главная цѣль стремленій Румыніи, полученіе города Силистріи, была достигнута. Теперь между Румыніей и Россіей уже не стояло враждебное воспоминаніе о Бессарабіи. Оно было отодвинуто на задній планъ радостнымъ сознаніемъ, что дружественное посредничество Россіи было такъ выгодно для Румыніи. Теперь она могла смѣло перейти въ русско-французскій лагерь.

Другія отношенія вывели Румынію изъ австрійскаго лагеря, въ которомъ она пребывала со времени Берлинскаго конгресса. Между Румыніей и Австро-Венгріей стояло, какъ неразрѣшимый „проклятый вопросъ“, преслѣдованіе румынской національной жизни въ Трансильваніи. Въ превосходной книжкѣ Сетонъ-Ватсона (Scotus Viator): „The social problem in Hungary“ дана исторія угнетенія шовинистическимъ мадярскимъ правительствомъ трехъ милліоннаго, румынскаго населенія Венгріи. Между прочимъ, онъ прилагаетъ списокъ политическихъ процессовъ противъ румынъ за годы 1897—1909. Какихъ только преступленій здѣсь нѣтъ. Два преступника пѣли румынскую народную пѣсню и приговорены къ штрафу: оба по 1.300 кронъ. Нѣсколько другихъ лицъ приглашали румынскихъ депутатовъ на совѣщаніе, другіе просто „подстрекали противъ мадярской національности“, третьи привѣтствовали своего священника, когда онъ возвращался изъ тюремнаго заключенія, и т. д. Кары сыпались, какъ изъ рога изобилія: годы тюремнаго заключенія, штрафы и т. под. Печать была угнетена, румынская школа уничтожена, самыя умѣренныя требованія румынъ отвергались. И это дѣлали ближайшіе союзники!

¹⁾ Румынская Зеленая Книга въ *Jahrbuch des Völkerrechts*. II томъ 1914. Ср. также Русскую Оранжевую Книгу за 1914 годъ.

Румынская нота при объявленіи войны Австро-Венгрии, 14 авг. 1916 г., заключала въ себѣ слѣдующія справедливыя строки: „Надежды, которыя мы питали на наше присоединеніе къ Тройственному Союзу не оправдались. Въ теченіе болѣе 30 лѣтъ румыны въ монархіи не только не видѣли реформъ, но, напротивъ, съ ними обращались, какъ съ низшей расой.. Румынія,... находясь подъ давленіемъ необходимости защищать интересы своей расы, видитъ себя вынужденной выступить на сторонѣ тѣхъ державъ, которыя могутъ обезпечить ей осуществленіе ея національнаго единства“.

Генералъ А. П. Козловъ

Монета Константина съ изображеніемъ римскаго моста черезъ Дунай.

АНГЛО-РОМАНСКІЙ МІРЪ и РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Изъ исторіи международнаго литературнаго общенія).

Статья почетнаго академика А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

МЕЖДУНАРОДНОЕ общеніе творчества и мысли выполняло въ теченіе трехъ вѣковъ въ процессѣ созданія русскимъ народомъ великой и сильной литературы миссію художественнаго и идейнаго возбужденія, вліянія, поддержки, соревнованія. Изъ всего состава западно-европейскихъ культурно-двигательныхъ силъ, къ которому главнымъ образомъ сводится это общеніе, за все время его развитія и воздѣйствія безспорно выдѣляется,— выдерживая соперничество лишь съ творчествомъ и наукой Германіи,—коллективное вліяніе англо-романскаго міра, тѣхъ народовъ, которыхъ въ нашу эпоху лютой вселенской войны общая опасность, грозящая свободѣ, національной независимости и самоопредѣленію, всѣмъ основамъ гуманной культуры, сплотила съ русскимъ народомъ въ союзъ борьбы. Когда, во второй половинѣ прошлаго вѣка это общеніе и вліяніе, такъ долго остававшееся одностороннимъ, выражаясь въ воздѣйствіи старшихъ культурныхъ факторовъ, развилось до встрѣчнаго вліянія на нихъ со стороны русской литературы, и, въ отвѣтъ на непрерывный токъ научныхъ идей, художественныхъ замысловъ, образовъ и учений, общественной мысли, съ Запада, началось русское движеніе въ Европу, стало осуществляться идеальное завершеніе международной творческой связи,—свободный, взаимный обмѣнъ,—и раньше военнаго или политическаго союза стали соединять народы союзъ искусства и соціальной мысли въ ея литературномъ воплощеніи. Съ той поры исторія развитія отечественной словесности осложнилась не только лѣтописью послѣдовательныхъ чужихъ вліяній, но и неизбежнымъ теперь изученіемъ культурныхъ *взаимоотношеній* съ Западомъ,—и, на первомъ мѣстѣ, съ англо-романскимъ міромъ.

Семнадцатый вѣкъ,—отправная дата въ исторіи русскихъ литературныхъ связей съ западной Европой,—даетъ уже рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о начинающемся вліяніи творчества и культуры романскихъ народовъ. Передача еще неискусна, форма ея по большей части тяжеловѣсна; она идетъ не прямо, зависитъ отъ промежуточныхъ факторовъ,—югославянскихъ и польскихъ переводовъ,—но отзвукъ несомнѣнно вызванъ, отраженіе пришлаго творчества, въ его направленіи и духѣ, на взглядахъ и склонностяхъ русскаго читателя и на недалекихъ уже проявленіяхъ самостоятельнаго литературнаго почина кievской и московской

писательскихъ школъ говорить о пользѣ вліянія. Сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ области повѣсти, оно выполняетъ задачу освободительной пропаганды. Традиціи византийско-восточной повѣсти съ ея моральными цѣлями, аскетической мудростью, религіозно-подвижническимъ фономъ, суровымъ отношеніемъ къ мірскому, земному началу,—поколеблены, подорваны. Широкой волной входитъ въ сознание современнаго русскаго поколѣнія, словно обновленнаго событіями вѣка, законность и свобода отраженія всей жизни въ произведеніяхъ слова, всего міра страстей, чувствъ, борьбы, недовольства, смѣха, сатиры, комизма, освобожденіе женщины. Съ дальняго Запада, съ океанскаго бретонскаго побережья, заносится въ романической обработкѣ безсмертное странствующее сказаніе о Тристанѣ и Изольдѣ, апофеозъ любви, которая сильнѣе смерти; романтика рыцарства и культа дамы проникаетъ въ формѣ поэмы о *Buovo d'Antona*, дальняго отростка Карловингскаго эпоса, прошедшаго черезъ посредство итальянскаго популярнаго цикла „*Reali di Francia*“, или французскаго романа о Петрѣ и Магелонѣ, фантастика—въ повѣсти о Мелюзинѣ; переводятся и со временемъ войдутъ даже въ народъ новеллы изъ боккачьевскаго „Декамерона“ и остроумныя фавеллы того типа, который былъ введенъ въ литературы Запада Поджьо.

Боккаччо.
Съ портрета Э. Каллепи.

Видѣніе блестящей культуры романскихъ странъ въ эпоху Возрожденія и раньше манило чуткіе умы. Объ Италіи и чудесахъ ея цивилизаціи рассказали въ XV вѣкѣ восхищенные наблюдатели, русскіе участники флорентинскаго собора; изъ нея пришли затѣмъ на Сѣверъ первые пионеры итальянскаго искусства въ Россіи, талантливая группа зодчихъ, проложившихъ глубокой слѣдъ; объ итальянской культурѣ говорилъ, столѣтіе спустя, первый пропагандистъ знанія и ре-

формъ Максимъ Грекъ, итальянецъ по образованію, другъ поэта Анджелио Полиціано и первопечатника Альдо Мануччи, великій почитатель Савонаролы; но съ удивленіемъ итальянскому просвѣщенію онъ соединялъ хвалу французской культурѣ; въ его изображеніи передъ пробуждавшейся русской средой возставалъ на прим. въ яркихъ краскахъ свободный, всѣмъ доступный, великій храмъ науки,—созданный Францискомъ I *Collège Royal*. Въ слѣдующемъ вѣкѣ на культуру и самостоятельность итальянскаго народа (въ особенности Венеціанской республики) указывалъ русскимъ людямъ въ возбуждающей пропагандѣ славянскаго возрожденія другой апостоль прогресса, хорватъ Крижаничъ, поражающій въ своихъ агитаторскихъ писаніяхъ большими знаніями въ области французской, англійской, итальянской политической науки.

Но смежно съ этимъ итальянофильствомъ и сильнѣе его развивается со временъ Ивана IV, постоянно осложняясь, традиція англо-русскаго сближенія, привитая прежде всего правительственной политикой, не останавливавшейся передъ своеобразіемъ госуларственного строя Англій и царствомъ „мужицкой“ вольности. Отъ торговыхъ экспедицій Ченслера въ Московское государство къ обмѣну посольствъ съ Англійей, частымъ посѣщеніямъ агентами Грознаго Лондона и провинціи, и изумленнымъ рассказамъ ихъ (въ особенности Федора Писемскаго) о британской жизни, къ отправленію Борисомъ Годуновымъ отряда молодыхъ людей въ школы

Англии (но и Франції), или вызова английскихъ ученыхъ въ Москву для задуманнаго въ ней университета,—идутъ постоянныя сношенія между обѣими странами. Ихъ не могла разстроить даже английская революція, ниспровергшая старорусскія представленія о правѣ и власти, и еще при Кромвелѣ они возстановились. Слѣдовъ знакомства съ литературой страны, такъ сильно привлекавшей, не замѣтно въ теченіе перваго вѣка сношеній; творчество Франціи, Италиі, уже дало опредѣленный отпечатокъ въ повѣсти, тогда какъ ничто еще не проникало ни въ одинъ видъ письменности изъ английскихъ источниковъ. Начало семидесятыхъ годовъ

*Джонъ Мильтонъ.
Съ картины Форда.*

XVII вѣка, пора зарожденія русскаго театра, исправляетъ этотъ недочетъ. Одною изъ первыхъ драмъ на сценѣ Алексѣя Михайловича является английская трагедія. Пьеса сподвижника Шекспира, Христофора Марло, „Тамерланъ великій“, проникшая изъ Германіи, благодаря репертуару „английскихъ комедіантовъ“, всюду разносившихъ выдающіяся произведенія английской драмы, стоитъ также во главѣ исторіи нашей драмы, какъ комедіи Мольера - въ началѣ русской комедіи. Но, если этотъ англійскій починъ все же останется до середины восемнад-

цатаго столѣтія одиночнымъ явленіемъ, „Лекаръ поневоля“, первая Мольеровская пьеса, исполненная любительскими силами въ терему дочерей Алексѣя Михайловича, открываетъ собой не прерывавшееся никогда, возбуждающее и живительное вліяніе великаго французскаго комика на русскую драматическую литературу и театръ, которое отъ переводовъ временъ Петра перейдетъ къ подражаніямъ Сумарокова и художественно воспитывавшему репертуару первой постоянной сцены и станетъ школой для многихъ поколѣній дѣятелей національной комедіи, Фонвизина, Капниста съ окружающими ихъ екатерининскими комиками, для Крылова, Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго, и послѣ двухъ вѣковъ существованія является и теперь неизмѣннымъ, живымъ, — и всенароднымъ, такъ какъ въ новѣйшее время проникло, съ общедоступной сценой, въ широкіе круги настоящаго „народа“.

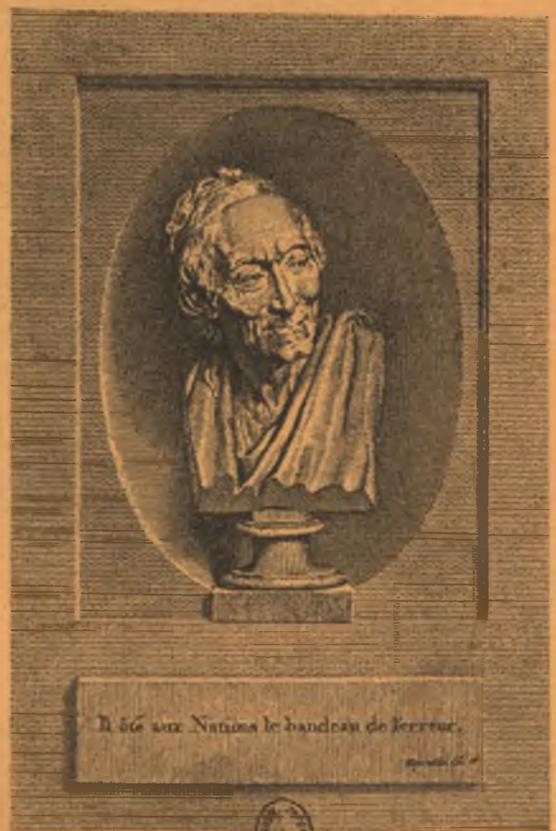
Въ европеизмъ петровскихъ временъ, посвященномъ въ сильнѣйшей степени усвоенію точныхъ знаній, техники, насущной бытовой практики, военнаго, морскаго дѣла, раскрывается все же немалая доля литературнаго сближенія, съ англо-французскимъ оттѣнкомъ. Токъ идей, опредѣлявшихъ содержаніе передовой словесности и освободительнаго философскаго движенія во время пролога къ вѣку Просвѣщенія, сталь, несомнѣнно, проникать, благодаря сравнительной свободѣ международнаго общенія, въ русскую среду, вызывая въ новыхъ писателяхъ, прошедшихъ петровскую школу, напряженную работу мысли, обобщающія философскія исканія, стремленіе дѣйствовать на умы, осуществлять общественное служеніе. Переводная беллетристическая, преимущественно рукописная, литература петровскаго времени, несравненно уступающая внушительнымъ размѣрамъ всевозможныхъ научно-полезныхъ сочиненій, могла еще идти проложенными раньше путями, отставая отъ вѣка, давая въ романѣ многіе десятки переложеній рыцарскихъ, любовныхъ, плутовскихъ повѣстей, на сценѣ — переводы пьесъ современниковъ Мольера („Донъ-Жуанъ“ Де-Вилье) или старыхъ итальянскихъ драматурговъ (Чиконьини), но освободительное вліяніе философской мысли и новой просвѣтительной литературы коснулось уже избранныхъ умовъ и выдающихся личностей, поддержанное у многихъ непосредственнымъ усвоеніемъ, жизнью на западѣ, въ очагахъ движенія. Для поколѣнія, изъ котораго вышли Татищевъ, Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, для умныхъ начетчиковъ вродѣ Дм. Голицына или Волинскаго, возбуждительно дѣйствуетъ и будитъ работу ума смѣло разрушающій, скептическій походъ Пьера Бэйля съ его грознымъ „Критическимъ и историческимъ словаремъ“, вызывавшимъ къ суду разума всѣ основныя идеи стараго порядка, и разнесшаяся изъ Англіи на весь культурный міръ философская, моральная и политическая проповѣдь Джона Локка.

Кантемиръ, на воспитаніи котораго въ Россіи уже лежалъ итальяно-французскій отпечатокъ, а на литературномъ починѣ (сатирахъ, басняхъ) — слѣдъ вліянія Буало, входитъ на Западѣ, пройдя школу жизни, словесности, новой философіи, точной науки, — въ ряды убѣжденныхъ просвѣтителей. Дипломатическій стажъ въ Англіи воспиталъ его въ духъ политической волюности, французская культура разнообразными своими сторонами довершила его умственное освобожденіе. Съ Вольтеромъ-ньютономъ, съ Фонтенеллемъ, съ англоманомъ Мопертюи, провозглашавшимъ во имя англійской опытной науки бунтъ противъ французскаго академическаго застоя, расширяетъ онъ свой научный кругозоръ; въ обличительномъ походѣ своихъ сатиръ опирается онъ изъ старой литературы на Матюрена Ренье, изъ современной на Буало и „Персидскія письма“ Монтескье, у Локка усвоиваетъ раціональные педагогическіе взгляды просвѣтителей, и все добытое въ англо-французской наукѣ и литературѣ вноситъ горячо и убѣжденно въ русскую среду. Стоя во время своей долгой парижской жизни близко къ центрамъ идейнаго и художественнаго движенія, онъ — первое русское писательское имя, произнесенное на западѣ, ставшее извѣстнымъ благодаря переводамъ его произведеній, — первый посредникъ въ международномъ литературномъ обмѣнѣ.

Косность и пугливый консерватизмъ охранителей-церковниковъ могли еще противиться вторженію новыхъ философскихъ идей, — даже кантемировскій переводъ „Entretiens sur la plu-

ralité des mondes" подвергается искаженіямъ, чуть не запрету, — но ничто не могло остановить усиливающегося литературнаго, прежде всего — французскаго, движенія, образовавшаго въ русской средѣ что-то въ родѣ пролога къ просвѣтительному вѣку. Вольтеръ задолго до массоваго вольтерьянства екатерининскихъ временъ появляется у русскаго читателя съ своими аллегорическими и философскими повѣстями; преемники Мольера, Реньяръ, Детушъ, и самъ великій комикъ, наряду съ трагическими поэтами-философами новой Франціи, становятся воспріемниками зарождающагося постоянного театра, романисты-психологи, бытовики и сатирики, Лесаажъ, Мариво, аббатъ Прево, пролагаютъ путь русскому роману, первыя соприкосновенія съ англійской сатирой и моральными изданіями Аддисоновскаго типа цодготавливаютъ съ середины пятидесятихъ годовъ почву для общественной работы сатирическихъ журналовъ Новикова и его сверстниковъ. Все это только авангардъ той просвѣтительной арміи, которая войдетъ въ русскую жизнь во второй половинѣ вѣка подъ знаменемъ французской мысли и творчества сосредоточившихъ высшее духовное содержаніе эпохи. Сомкнутыми рядами двинулся наконецъ отборный отрядъ энциклопедистовъ; вырисовываются отнынѣ во всемъ значеніи своей проповѣди и завладѣваютъ умами вожди движенія, Вольтеръ и Монтескье, слышатся вдохновенные призывы Руссо къ свободѣ, гуманности, равенству, опрощенію, идутъ большіе, могучіе люди въ точныхъ наукахъ, правѣ, естествознаніи, обществовѣдѣніи, Дидро беретъ штурмомъ старыя ученія въ литературѣ и искусствѣ, Гельвецій, Гольбахъ въ философіи Рейналь съ его товарищами по „Исторіи обѣихъ Индій“ ведетъ войну противъ рабства и неволи во всѣхъ ихъ видахъ, Кенэ и физиократы высоко поднимаютъ значеніе земледѣльческихъ массъ, крестьянства, и требуютъ для нихъ заботы и охраны. Итальянская мысль, вторя движенію, выставяетъ Чезаре Беккарію, въ союзѣ съ Вольтеромъ возбуждающаго переворотъ въ уголовномъ правѣ, возставъ противъ пытокъ, жестокихъ каръ, смертной казни, Англія — завѣты и традиціи Локка, ученія Юма, шотландскихъ философовъ, политическую экономію Адама Смита. Новаторы въ литературѣ, шедшіе въ уровень съ великимъ движеніемъ научной и общественной мысли, блестящій подборъ сильныхъ дарованій, отъ Дидро къ Бомарше и Мерсье, отъ Свифта и Ричардсона къ Фильдингу, Стерну, Шеридану, не только проникаютъ въ русскую среду, но оставляютъ въ ней живые слѣды вліянія и возбужденія. Созданный и наиболее поддержанный англо-романской культурой, настаетъ русскій просвѣтительный вѣкъ.

Преувеличивать его значеніе, его результаты, итоги, было бы безцѣльно и несостоятельно. Безпристрастный судъ не можетъ не раскрыть недостаточной глубины и интенсивности усвоивавшихся великихъ движеній въ философской, научной, соціальной, литературной области. Мощно дѣйствовавшія на Западѣ, эти ученія несомнѣнно преломлялись, ослаблялись, обезвреживались въ русской жизни благодаря гнетущимъ ея условіямъ, противодѣйствию стараго начала во всѣхъ его видахъ, неискренности, затѣмъ измѣнѣ и отпору со стороны такого

Вольтеръ.
Съ скульптуры Гудона

мнимаго апостола новыхъ началъ, какъ Екатерина, скудной подготовкѣ дѣйствовавшихъ въ обществѣ силъ, поверхностной игрѣ въ вольнодумство, отрицаніе и еретическую смѣлость мысли, смѣнившуюся со временемъ у многихъ покаяніемъ, поворотомъ назадъ, на торные пути, къ дѣдовскимъ убѣжденіямъ, крѣпостнической, клерикальной морали и смиренію. „Сквозь магическій кристаллъ“ внѣшняго эффекта прогрессъ просвѣтительства можетъ казаться привлекательнымъ; на дѣлѣ онъ несравненно богаче количественно, чѣмъ качественно. Но никакіе недочеты и изъяны, отреченія и уроны не могутъ измѣнить основного факта,—значенія и вліянія *siècle des lumières* на русскую жизнь, общественность, творчество, знаніе,—вліянія болѣе ограниченнаго, чѣмъ это принято думать, но существеннаго, и притомъ необыкновенно продолжительнаго. Не въ правѣ ли мы принять крайними предѣлами его двѣ революціи,—одну, совершенную для завоеванія власти ревностной ученицей освободительной философіи, возведшей ее, казалось, съ собою на тронъ, призванной дать ей широкое распространеніе,—и вторую, трагически неудачную, декабрьскую (1825 г.), всѣ главные участники которой, откликаясь въ извѣстной степени на движенія политической мысли новаго вѣка, по ихъ же показаніямъ

Энциклопедисты.

(въ позднѣйшихъ мемуарахъ, въ отвѣтахъ слѣдственной комиссіи) все еще молились старымъ богамъ, великимъ просвѣтителямъ 18-го столѣтія? Съ такою же долговѣчностью и замедленностью литература, имъ современная, продолжала жить и вліять въ русской средѣ и послѣ французской революціи, до предвѣстій романтизма.

Въ этихъ обширныхъ предѣлахъ (почти 60 лѣтъ) вмѣщаются разнообразныя отраженія мысли и творчества. Дѣйствительная цѣнность ихъ всего слабѣе именно въ шумливой, бьющей на европейскую огласку, дѣятельности философствующей и усердно писательствующей правительницы, пытавшейся провести и въ литературѣ принципы просвѣщеннаго абсолютизма, приписывая себѣ роль вождя и учителя, который всему можетъ указать путь, дать образцы,—тогда какъ лучшее достояніе словесности ея вѣка было создано, выработано, выстрадано, вопреки ей, ослушниками ея внушеній, самостоятельными искателями, свободными умами. Пусть она проходитъ впереди своей эпохи съ катехизисомъ права, вольности и гуманности, извлеченнымъ изъ политической мудрости „Духа законовъ“ Монтескье или „Institutions politiques“ Бильфельда и изъ высокой филантропіи Беккарии, и за ея „Наказомъ“ всегда сохранится значе-

ніе небывалаго дотолѣ въ русской жизни заявленія основаначаль разумнаго и справедливаго общественнаго строя, выработанныхъ энциклопедизмомъ, распространеннаго по всѣмъ краямъ отечества и оставившаго замѣтный идейный слѣдъ, который она впослѣдствіи тщетно старалась уничтожить;—какъ Фонвизинъ послѣ „Недоросля“, она „могла бы умереть или больше не писать“, до того понижается, при средней ея даровитости, уровень ея дальнѣйшей плодотворной литературной дѣятельности. Но, творчески слабая, она въ переводахъ, передѣлкахъ, подражаніяхъ, все же ведетъ пропаганду французской и англійской словесности, и бывшей, и современной, въ различныхъ ея видахъ и оттѣнкахъ. Вслѣдъ за Аддисономъ и Стилемъ „Всякая всячина“ кладетъ основаніе сатирической журналистикѣ, комедіи пытаются усвоить приемы Мольера и его преемниковъ, комическія оперы прививаютъ сценѣ новый, народнический жанръ, узаконенный такими предшественниками, какъ Руссо; театръ Шекспира становится предметомъ особаго изученія, приводитъ „королевскими драмами“ къ замыслу ея „историческихъ представлений“, манитъ ее бытовыми комедіями къ переложеніямъ на русскіе нравы, чаруетъ свободой своего творчества и отрицаніемъ „обыкновенныхъ театральныхъ правил“ драмы. Переводомъ „Школы злословія“ Шеридана или опальнаго Мармонтелевскаго „Белизера“, гостепріимствомъ, оказаннымъ на русской сценѣ гонимому въ отечествѣ „Севильскому цирюльнику“, ретивой съ виду поддержкой борьбы Вольтера противъ ужасовъ и жестокости старинной уголовщины въ знаменитыхъ, міровыхъ его процессахъ, оживленными сношеніями со всѣми свѣтилами и меньшими богами энциклопедизма, постановкой русскихъ культурныхъ вопросовъ передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, когда, въ лучшую свою пору, она бросала на книжный рынокъ свои отточенные и вылощенные французскіе памфлеты, „Antidote“, „Письмо прямодушнаго и лояльнаго Скифа“, она выказывала цѣнныя свойства международнаго посредника, передатчика,—являясь послѣ Кантемира второю, съ несравненно большимъ райономъ дѣйствій, силой этого рода.

Но ея шумливое и неискреннее просвѣтительство, ея литературный европеизмъ, наиболѣе красочный именно въ галломаніи, шаткіе, измѣнчивые, лицемѣрные, отступающіе въ тѣнь передъ иными результатами общенія, развивавшагося самостоятельно въ литературной и общественной средѣ, до которой, при сравнительной свободѣ первыхъ лѣтъ, могъ дойти токь просвѣтительнаго движенія, могло донестись живое слово передовой литературы и новой науки. Въ духѣ Энциклопедіи (узнанной и въ подлинникѣ, и во многихъ частичныхъ ея переводахъ), путемъ самообразования воспитываются лучшія силы нѣсколькихъ поколѣній, несмотря на парализующія вліянія старыхъ русскихъ началъ. Фантастическій, совершенно не серьезный екатерининскій планъ перенести, въ виду гоненій на Энциклопедію во Франціи, изданіе въ Россію не состоялся, но десятки ревнителей ея по собственному почину отдаются попыткамъ перевода и распространенія. Даже такой представитель охранительнаго руссофильства, какъ Болтинъ, доводитъ единичными своими силами переводъ Энциклопедіи чуть не до половины великаго словаря, въ то время какъ сверстникъ Болтина по направленію кн. Михаилъ Щербатовъ переводитъ трактатъ Беккариі. Благодаря умѣло организованнымъ переводамъ все глубже, разностороннѣе узнаютъ Вольтера, усвоивая сущность его философскаго, соціально-политическаго, моральнаго подвига. На ряду съ Вольтеромъ проникаютъ творенія обоихъ вождей Энциклопедіи. Усерднымъ переводчикомъ Даламбера является даже свободомыслящій церковный писатель. Дидро своимъ пріѣздомъ въ Россію скрѣпляетъ связи, соединявшія его давно съ пробуждавшимся ея народомъ, съ ожидавшей, казалось, освобожденія порабощенной массой, эманципація которой стала его завѣтной мыслью; онъ отдается лихорадочному изученію русскихъ народныхъ нуждъ и запросовъ, составляетъ для Россіи превосходно разработанный, при помощи авторитетныхъ французскихъ специалистовъ, проектъ организаціи всей системы народнаго просвѣщенія, отъ начальной, даровой, обязательной и всеобщей школы до тончайшихъ деталей высшаго образованія, подвергаетъ переработкѣ новаторскіе уставы Бецкаго объ образованіи женщинъ, энергически проповѣдуетъ необходимость изученія ими медицины,—но въ то же время, способный всюду вносить

горячій починъ реформы и обновленія, становится, благодаря своимъ „мѣщанскимъ драмамъ“ и еретическимъ взглядамъ теоретика - драматурга, важнымъ двигателемъ назрѣвавшего въ русскомъ театрѣ поворота къ полной жизненной правдѣ.

На философскомъ трактатѣ Гельвеція, „De l'Esprit“, съ увлеченіемъ изучавшемся и комментированномъ, „научалась мыслить“ передовая группа молодыхъ силъ, съ Ушаковымъ и Радищевымъ во главѣ, нѣсколько лѣтъ готовившаяся на Западѣ къ участию въ просвѣ-

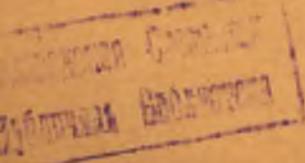

А. Н. Радищевъ

тительной и общественной работѣ и не принятая потомъ официальной екатерининской Русью. Въ школѣ Руссо и Мабли воспиталась гражданственность Радищева, выработались идеалы борца за народное благо, Бэйль развилъ въ немъ скептическую независимость мысли, Рейналь поддержалъ и развилъ главную задачу его жизни, борьбу противъ крестьянской неволи, и сталъ однимъ изъ вдохновителей „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“,—въ то время какъ другимъ образцомъ и примѣромъ стало для него въ современной англійской литературѣ „Сентиментальное путешествіе“ Стерна, своей неподражаемой, западающей въ душу формой, сотканной изъ грусти и юмора, гуманной чувствительности и возмущенія людскою неправдой, чуткой психологіи, философскаго вольномыслія и острой сатиры, придало опредѣленные художественныя очертанія рвавшимся на волю мыслямъ, требованіямъ, протестамъ и положительнымъ заявленіямъ, внушеннымъ опытомъ жизни

и силой социальнo-политической мысли. На этомъ важнѣйшемъ выраженіи радикализма легла замѣтная печать вліянія англо-французскаго просвѣтительнаго движенія,—тогда какъ англійская исторія борьбы за свободу и первой революціи внушила одну изъ выдающихся строфъ во введенной въ „Путешествіе“ одѣ къ вольности,—первомъ опытѣ нашей политической лирики, грозно вспоминающую народный судъ надъ королемъ Карломъ I, славящую казнь его. И сколько бы испытаній ни послала судьба гонимому мыслителю, въ сибирскомъ острогѣ, въ смягченномъ деревенскомъ заточеніи при Павлѣ, онъ остался вѣренъ тому сочетанію европейскихъ вліяній и сознанаго долга передъ русскимъ народомъ, которое выработало изъ него великую нравственную личность. Съ нимъ вошелъ онъ, послѣ полной, александровской амнистіи, въ предверіе девятнадцатаго вѣка, и съ несломленнымъ духомъ, съ „гордо поднятой выей“, весь отдался, горячо и невоздержно, дѣлу предстоящихъ реформъ. Одна смерть, трагическая и неполнобъяснимая, могла прервать это беззавѣтное служеніе свободѣ и просвѣщенію.

Подъ знаменемъ Руссо, Стерна, сентиментализма, вошелъ активной силой въ литературу и Карамзинъ, не безъ смущенія проходившій во время европейскаго путешествія по тѣмъ слѣдамъ, гдѣ (въ Лейпцигѣ) когда-то шелъ Радищевъ съ своей дружиной,—и въ новомъ, духовно несравнимо меньшемъ дѣятелѣ европеизма и просвѣтительства сказалось (при извѣстномъ соперничествѣ вліяній германской культуры) рѣшающее значеніе философіи и поэзіи дальняго Запада, осложненное политическими уроками современности, которыхъ не дано было испытать Радищеву, — впечатлѣніями французской революціи и англійской вольности. Сознательное усвоеніе важнѣйшихъ культурныхъ результатовъ, стремленіе стать истолкователемъ ихъ, посредникомъ, распространителемъ въ русской жизни, реформаторомъ не только художественной формы и языка, но духа, идейной сущности родной литературы, влечетъ впередъ мечтателя-русоиста, черты котораго впослѣдствіи совершенно неузнаваемы въ рано по-

Мольеръ среди своихъ созданий.

Съ картины Жюфруа